

Иван Александрович Гончаров

Письма (1855)

Содержание

#1	0006
М. С. ВОЛКОНСКОМУ 13 января 1855. Иркутск	0007
Евг. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ 13 января 1855. Иркутск	0009
М. С. ВОЛКОНСКОМУ 14 января 1855. Иркутск	0017
В. Ф. ОДОЕВСКОМУ 1 марта 1855 г. Петербург	0019
В. Ф. ОДОЕВСКОМУ 7 марта 1855. Петербург .	0020
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 10 апреля 1855. Петербург	0021
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 24 апреля 1855. Петербург	0022
А. Н. МАЙКОВУ 25 апреля 1855. Петербург . .	0023
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 5 мая 1855. Петербург	0025
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 13 мая 1855. Петербург . .	0026
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 17 мая 1855. Петербург . .	0027
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 3 июня 1855. Петербург . .	0028
И. Ф. ГОРБУНОВУ 20 июля 1855. Петербург . .	0029
И. Ф. ГОРБУНОВУ 21 июля 1855. Петербург . .	0030
Е. В. ТОЛСТОЙ 22 августа 1855. Петербург . . .	0031
Е. В. ТОЛСТОЙ 23 августа 1855. Петербург . . .	0032
Е. В. ТОЛСТОЙ 26 августа 1855. Петербург . . .	0033
Е. В. ТОЛСТОЙ 29 августа 1855. Петербург . . .	0035

- Е. В. ТОЛСТОЙ Август (?) 1855. Петербург0037
Е. В. ТОЛСТОЙ. Лето 1855. Петербург. 0038
И. Ф. ГОРБУНОВУ 3 сентября 1855. Петербург.
0039
Е. В. ТОЛСТОЙ 4 сентября 1855. Петербург . . .0040
Е. В. ТОЛСТОЙ 6 сентября 1855. Петербург . . .0042
Е. В. ТОЛСТОЙ 6 сентября 1855. Петербург . . .0045
Е. В. ТОЛСТОЙ 6 сентября 1855. Петербург . . .0047
Е. В. ТОЛСТОЙ 8 сентября 1855. Петербург . . .0049
Е. В. ТОЛСТОЙ 18 сентября 1855. Петербург . .0052
Е. В. ТОЛСТОЙ 19 сентября 1855. Петербург . .0055
Е. В. ТОЛСТОЙ 22 сентября 1855. Петербург . .0061
Е. В. ТОЛСТОЙ 22 сентября 1855. Петербург . .0064
Е. В. ТОЛСТОЙ 26 сентября 1855. Петербург . .0065
Е. В. ТОЛСТОЙ 27 (?) сентября 1855. Петербург
0068
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 3 октября 1855. Петербург.
0070
Н. А. НЕКРАСОВУ 8 октября 1855. Петербург .0073
Е. В. ТОЛСТОЙ 11 октября 1855. Петербург . . .0075
Е. В. ТОЛСТОЙ 13 октября 1855. Петербург . . .0077
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 15 октября 1855. Петербург
0079
Е. В. ТОЛСТОЙ 17 октября 1855. Петербург . . .0080
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 17 октября 1855. Петербург
0082
Е. В. ТОЛСТОЙ 20 октября 1855. Петербург . . .0083
Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 22 октября 1855. Петербург.

0088

Е. В. ТОЛСТОЙ 25 октября 1855. Петербург . . .0090

Е. В. ТОЛСТОЙ 26 [?] октября 1855 г. Петербург
0099

Е. В. ТОЛСТОЙ 28 октября 1855. Петербург . . .0123

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 28 октября 1855. Петербург
0132

Е. В. ТОЛСТОЙ 3 ноября 1855. Петербург 0133

Е. В. ТОЛСТОЙ 14 ноября 1855. Петербург . . . 0146

Н. А. НЕКРАСОВУ Ноябрь 1855. Петербург . . .0159

Н. А. ГОНЧАРОВУ 1 декабря 1855. Петербург .0160

Е. В. ТОЛСТОЙ 1 декабря 1855. Петербург0162

Н. А. НЕКРАСОВУ 12 декабря 1855. Петербург
0169

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ 15 декабря 1855. Петербург
0170

О. С. ОДОЕВСКОЙ 17 декабря 1855. Петербург
0171

Е. В. ТОЛСТОЙ 23 декабря 1855. Петербург . . .0173

Н.А. НЕКРАСОВУ 27 декабря [?] 1855. Петербург
0176

Е. В. ТОЛСТОЙ 28 декабря 1855. Петербург . . .0177

Е. В. ТОЛСТОЙ 31 декабря 1855 - 2 января 1856.
Петербург0182

**Гончаров Иван
Александрович
Письма (1855)**

Гончаров И.А.
Письма. 1855

М. С. ВОЛКОНСКОМУ

13 января 1855. Иркутск

13 января 1855.

Я в большом горе, почтеннейший Михайло Сергеевич, что не имел удовольствия застать Вас в Иркутске. Несмотря на то, я взял смелость представиться Вашему семейству, которым был принят весьма любезно и внимательно. К сожалению, недостаток времени, а еще более совестливость помешали мне пользоваться приятным приглашением Вашего семейства бывать в нем чаще. При Вас я бы считал себя более вправе на то, а без Вас совестился беспокоить членов Вашего дома своим появлением. Оправдайте меня перед ними.

Вас самих не знаю как и благодарить за Ваше внимание ко мне в Аяне. Между прочим, я вспомнил, что Вы желали иметь мой резиновый непромокаемый плащ для летних Ваших поездок; сегодня с этим письмом отвезу его к Вам в дом. Пусть он напомнит Вам обо мне где-нибудь на аянской дороге или за Бай-

калом. Мне не совестно его предложить Вам на память, потому что я не надевал его и двух раз и он совсем нов, хотя и измят в чемодане.

Не прощаюсь с Вами, а говорю до свидания, в надежде увидеться когда-нибудь за Уральским хребтом. Будьте уверены в моем к Вам искреннем уважении.

И. Гончаров.

Евг. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

13 января 1855. Иркутск

13 января 1855. Иркутск.

Как это случилось, что я сегодня получил Ваши письма, из которых одно и то же писано от января 1853 и сентября 1854 года и адресовано и в Иркутск и в Японию? Как ни приятно получить такое письмо, но все-таки странно.

Я так живо сочувствую тому, что движет Вас и всю Русь в настоящее время, что прощаю Вам, друг мой Евгения Петровна, письмо Ваше, наполненное политическими новостями. Я иначе не надеюсь Вас видеть по приезде в Петербург, как с пикой в руках, в чепце немного на сторону, как Вы спешите на дрянном извозчике, но по таксе, мимо Гостиного двора, не удостоив взгляда даже голландские лавки, прямо на Английскую набережную отражать нападение союзников. Вам, милый мой Аполлон, сочувствую и делом: в Якутске прочитал я Ваш фельетон в "СПб. вед[омостях]" 11 август[а] 1854 года № 176 и тотчас же

отбросил путевые записки, которыми тогда занимался, и написал статью "Якутск", в которой фактами подтверждаю Вашу мысль о том, как Россия подвластным ей народам открывает обширное поприще деятельности и разумного приложения сил.

При свидании всё это, Бог даст, прочтем и переговорим. При свидании легко сказать! Я проехал четыре тысячи верст, остается еще шесть тысяч. Это не поездка, потому что слишком продолжительно, не путешествие, потому что не занимательно, это жизнь своего рода или, лучше сказать, пародия на жизнь, потому что очень противоречит недостатком главных условий жизни понятию, которое мы составляем о ней. Все это, впрочем, касается не городов, а здешних пустынь, разделяющих эти города. В городах очень хорошо, здесь например, даже в Якутске не худо. В пустынях раздается сильное эхо от патриотических кликов нашей народной массы, очень сильно, как всегда бывает в пустынях. Здесь есть величавые, колоссальные патриоты. В Якутске, например, преосвященный Иннокентий: как бы хотелось мне познакомить

Вас с ним. Тут бы увидели русские черты лица, русский склад ума и русскую коренную, но живую речь. Он очень умен, знает много и не подавлен схоластикой, как многие наши духовные, а всё потому, что кончил ученье не в Академии, а в Иркутске и потом прямо пошел учить и религии и жизни алеутов, колош, а теперь учит якутов. Вот он-то патриот. Мы с ним читывали газеты, и он трепещет, как юноша, при каждой счастливой вести о наших победах.

Другой патриот, человек бодрый, энергичный, умный до тонкости и самый любезный из русских людей - это Никол[ай] Ник[олаевич] Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири. Имя его довольно популярно у нас: все знают, как сильно и умно распоряжается он в Сибири, не секрет уже и то, что он возвратил России огромный и плодотворный лоскут Сибири по реку Амур включительно, вопреки Министерству иностр[анных] дел, действуя под непосредственным надзором и полномочием царя, при множестве врагов, доносов и проч. Молодец! И хозяин он славный, принимает гостей радушно,

как русский, и вежливо, как европеец вообще. Я теперь у него в гостях, то есть ежедневно у него обедаю, за неимением приглашений в другие дома. Знаете ли, что камчатская победа была плодом его распоряжений. Мы плыли в Татарском проливе на шкуне в Аян. "А что, если англичане придут в Камчатку?" спросил я. "А пусть придут, - отвечал он, - теперь там 70 пушек, и я послал туда 300 человек казаков: пусть придут!" - "Какой чудак, - подумал я, - что он сделает 70 пушками, когда на каждом военном судне около 50 пушек и до 400 человек народу!" А вот он предсказал успех, стало быть, был уверен. Но это еще ничего, что он патриот, иначе и быть не может и не должно. А вот жена его, француженка, парижанка, та, говоря о русских, говорит мы, то есть nous, а о французах eux, ils и с радостью предсказывает, что nous поколотим eux везде и всегда. Она любит не только Россию и русских, но Сибирь и Камчатку, куда ездила с мужем и верхом по горам и болотам, и морем, и в мае собирается в те места вторично по Амуру на барке.

Вчера она сказала, что велела мне сварить

и заморозить в куски на дорогу чи, то есть щи, и напечь кренделей. Когда французы что соврут в газетах, она называет их lvches.[1]

Я могу выехать через два дня, 15-го числа. Николай Никол[аевич] удерживает меня до 19-го, до великолепного бала, который он дает, но когда сочли время, то увидели, что мне надо приехать в Петербург к 25-му февраля. Скакать сломя голову я не могу: если я три дня еду день и ночь, на четвертые сутки надо остановиться, а то делаются приливы к голове, геморроидальные припадки и несварение желудка, обнаруживающееся сильной рвотой.

Если Бенедиктов получил уже мое письмо, то Вы должны получить огромных два письма через контору Языкова, на его имя, с передачей Вам. В одном письме я послал морскую идиллию, ловлю акулы, отрывок из своих записок для напечатания в "Отеч[ественных] записках" (только там) в "Смеси", но без имени моего (неприменно). А другое письмо - так себе письмо, оба писаны из Якутска. Извините, Аполлон, что не пишу особо ответа на Ваше чудесное письмо с чудесными стихами

("Философической свободы Вам было мало, господа", и т. д.). Некогда и потом повторяю Ваши же слова: "Надеюсь скоро видеться и писать больше не хочу". Я уж Вам и родным своим из Якутска запрещал накрепко писать, да вот не уймешь. Когда сам-то уймусь - не знаю. Видно, и впрямь людям при рождении назначены роли: мне вот хлеба не надо, лишь бы писать, что бы ни было, всё равно, повести ли, письма, но когда сижу в своей комнате за пером, так только тогда мне и хорошо. Это, впрочем, не относится ни к деловым бумагам, ни к стихам, первых не люблю, вторых не умею.

Поцелуйте за меня и от меня милую Анну Ивановну и неизвестного или неизвестных мне будущих моих друзей, маленьких Майковых. Вы приглашаете остановиться пока у себя - ни за что: уж это один из моих обычаев, которых я, вы знаете, не изменяю. А поближе квартиру нанять - оно бы, пожалуй, хорошо, если б не было Литейной: я не умею себе представить, как жить в Петербурге не на Литейной.

Вы пишете, что *chinoiserie* в большой моде

и что продаются разные фигурки рублей по 50 сер[ебром]: если я с сундуком как-нибудь доберусь до Петербурга, то эдак, пожалуй, у меня и на тысячу руб. наберется, болванчиков и вазочек штук до 30 наберется, да рисунков, да резных четок из бамбука и орехов, что всё куплено мною самим в Шанхае. Если выйдет выгодная спекуляция, так ни Евгения Петровна, ни Катерина Алекс[андровна], ни Юнинька (которую нежно целую) не увидят ни синя пороха. Лишь бы мне доехать только. Ах дай-то Бог поскорее!

Вы, друг мой Николай Аполлонович, написали всего две строки на полях и то успели нагадить: как это Вы сделали, что у Вас чернила и на хорошей бумаге прошли насквозь? А ты, Бурька, что так мерзко написал? Не только хуже Аполлона, даже хуже отца? Что Марья Федоровна смотрит, отчего не бьет тебя по рукам? Посмотрите-ка, как нацарапал: я только и разобрал жду Вашего возвращения. Вот погоди, я ворочусь, да того... помочами тебя. А ты уж, чай, думаешь, что ты студент, поди беспрестанно употребляешь слова личность да тип, а может быть, чего доброго, и

водку? Я - тебя! А Старик - что? Старик - самозванец, фальшивый! Вот я настоящий старик стал, признаки ясные: болтлив и не хочу умереть. Что Ваша Старушка? Забыла, я думаю, меня: ведь она была еще дитя, когда я поехал. Павел Ст[епанович], верно, помнит. А Юнинька, а Лъховский? Кланяюсь Вам и Языковым тоже. А Капитан где? Сражается что ли?

Почта пойдет дня через два после меня, но придет, я думаю, месяцем раньше и потому посылаю с ней. До свидания. Ваш

И. Гончаров.

Еду отчасти и не без тоски при мысли, что надо приниматься опять за ежедневное хождение в службу, от чего я на корабле отвык.

М. С. ВОЛКОНСКОМУ

14 января 1855. Иркутск

Вот вторая записка к Вам, почтеннейший Михайло Сергеевич, но в ней я надоедаю Вам уже не о себе, а об общем нашем знакомом Лазареве, который желает быть переведен в Иркутскую или Енисейскую губернии как ближайшие к его родине, Казани. В Якутске и холодно, да и мало средств к существованию, занятий никаких. Жена у него не выносит тамошнего климата и больна, словом, положение их незавидно. Туда надо людей покрепче и пожестче.

Я взял смелость довести об этом до сведения Его Высокопре[восходительст]ва, с покорнейшим ходатайством об исполнении желания Лазарева. Николай Николаевич, выслушав благосклонно, обещал исполнить при возможности и приказал мне передать прилагаемую записку о Лазареве Вам, с тем чтобы Вы взяли труд доложить ее Его Высокопр[евосходительст]ву при открытии лекарственных вакансий в тех местах, где бы желал слу-

жить Лазарев. Мне очень приятно передать дело нашего общего знакомого в такие доброжелательные и надежные руки. Я уверен, что Вы не оставите дела без внимания.

До свидания,

Ваш покорнейший слуга

Гончаров.

14 января 1855

Иркутск.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ
1 марта 1855 г. Петербург

Совершенно покоряюсь Вашим распоряжениям и в воскресенье в 5 часов явлюсь. - Что касается до моего друга Коренева, то едва ли удастся изловить его на это воскресенье: его надо предупреждать об обеде недели за две.

Жалею, если ответ не успеет вовремя: я вернулся домой и прочел Вашу записку ночью. - Радуюсь, что буду иметь удовольствие видеть Вас завтра у Панаева, - и горю нетерпением засвидетельствовать мое почтение княгине.

Извините за беспорядок бумаги, почерка и стиля: я еще пока на бивуаке. Честь имею быть покорнейшим слугою Вашего Сиятельства.

И. Гончаров.

1-го марта 1855.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

7 марта 1855. Петербург

Я уже обеспечил себе промежуток времени от 5 до 8 часов и буду иметь удовольствие явиться к Вам. Что касается до венгерского или вообще до вина, то - от водки до шампанского включительно я не пью ни капли. Не знаю, сделаю ли исключение в пользу столетнего.

В ожидании пяти часов свидетельствую Вашему Сиятельству и княгине Ольге Степановне мое глубокое почтение.

Гончаров.

А у меня всё еще ни порядочной бумаги, ни перьев дома нет - и потому прошу извинения за непредставительность этого листка: зато сургуч, как изволите видеть, отличный.

Понедельник, 7 марта.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
10 апреля 1855. Петербург

Я три дня не вставал с постели и пил лекарства и теперь еще насилу держу перо в руках. Когда выйду - и этого не знаю, хотя мне несколько лучше. Сейчас ушел только доктор.

О Майковых ничего не знаю: был сегодня у меня Павел Степ[анович] - и тот ничего не знает.

Ваш Гончаров.

10 апреля.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
24 апреля 1855. Петербург

24-го апреля. Воскресенье.
Вчера у Писемских был только один Николай Аполлон[ович]; он сказывал, что Евгения Петровна сильно простудилась, так что должна лечь в постель, следовательно, о Тарасовых ей и думать нельзя. Он очень о ней беспокоится.

Я намерен обедать сегодня у Языковых, а оттуда полагаю проехать к Майковым.

Посылаю Вам сочинения Писемского: берегите пуще глаза.

До свиданья.

Ваш Гончаров.

Записку Вашу я отдал вчера Николаю Аполлоновичу. И Аполлон, говорят, нездоров.

А. Н. МАЙКОВУ

25 апреля 1855. Петербург

Вчерашний наш разговор был не что иное. Как тема только, едва и беспорядочно набросанная в крупных и отрывочных чертах. Между тем разговор возбудил во мне большой интерес и даже разбудил от апатии, так что я с большим бы удовольствием продолжал его и знаю, что мы с Вами не поссоримся, а только отчетливо друг другу выскажем то, что нас обоих занимает и должно занимать. Идеи не успели в полчаса объясниться, они едва развивались, как надо было уже переходить в другой вопрос. И потому это был только первый разговор, за которым должен последовать второй и т. д., пока не устанем или пока не займет нас другое. Теперь, когда *la glace est rompue*[2] между нами, будем высказываться, и для этого я хотел бы заехать к Вам сегодня часу в девятом пить чай, который разлила бы нам Анна Ивановна, а мы за сигарой мирно могли бы беседовать. Я свободен сегодня, в понедельник, а следующие затем

три дня - нет. Дома ли Вы будете? К сожалению, Вам меня не через кого уведомить об ответе. Я часов до 8 пробуду дома, а там, нечего делать, пушусь к Вам наудачу, если только не отвлечет что-нибудь важное.

До свиданья же.

Ваш Гончаров.

Понедельник.

25 апреля 1855.

Одна моя беда, что я всегда горячо спорю, а это примут не знающие меня коротко, пожалуй, за какую-то желчную злобу. Но Вы меня знаете, и вчера Вы были бесподобны. С Вами говорить приятно, и мне это хочется, потому что так мало в виду, чем бы развлечься теперь.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
5 мая 1855. Петербург

5 мая.

Вот новая книжка "Отеч[ественных] зап[исок]" - возьмите, если соч[инения] Писем[ского] не нужны - пришлите, журнал не очень долго держите, о здоровье Шивой[?] меня известите, обнять мужа не премините и хорошенько себя ведите, а сами в скором времени меня ждите. Простите.

Ваш Гончаров.

Если к воскресенью выйти можете, то чтение Бенедиктова у Майковых слушать к обеду приходите.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
13 мая 1855. Петербург

Я обещал Старику приехать к нему обедать: Если хотите, я заеду за Вами до обеда или после обеда, как хотите, и поедемте вместе. Дайте мне знать: я часов до трех буду дома. Если не пришлете, значит, Вам нельзя.

Посылаю Вам "Совр[еменник]" и "Отеч[ественные] зап[иски]" за апрель.

Ваш Гончаров.

13.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
17 мая 1855. Петербург

17 мая.
Вчера я был у Языковых и Екатерина Ал[ександровна] сунула мне в руки какой-то пачек, чтоб передать Вашей немке от ее немки, при случае. Пачек прилагается.

Между тем поздравляю вас обеих с именинами, присовокупляя тьму желаний вам обоим всякого добра и имущества, между прочим, ей, чтоб она больше никогда не мазалась свиным салом, а Вам, чтоб Вы меньше ее баловали.

До свидания. Кланяюсь Александру Павловичу.

Ваш Гончаров.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
3 июня 1855. Петербург

Посылаю Вам июньскую книжку "Отеч[ественных] записок" и картинку. Вы можете взять книжку на дачу с собой и передайте ее там, по прочтении, Екатерине Павловне Майковой. Предыдущие две она может взять прямо от Евг[ении] Петровны. Не потеряйте только. Посылаю и свою статью (из "Морск[ого] сборн[ика]"): эту можете потерять.

До свидания.

Ваш Гончаров.

3 июня.

И. Ф. ГОРБУНОВУ
20 июля 1855. Петербург

20 июля. Среда.

Сегодня мне, может быть, не удастся быть у Майковых, любезнейший Иван Федорович, и потому не прошу Вас к себе. Но я нынче же узнаю, будет ли он дома в субботу, это свободный для меня день, и если Вам можно, то мы можем отправиться тогда обедать.

Во всяком случае, я Вас до тех пор уведомялю. А теперь пока до свидания.

Ваш

Гончаров.

Я уж говорил Майкову, что мы приедем на этой неделе к нему, и он очень рад.

И. Ф. ГОРБУНОВУ
21 июля 1855. Петербург.

Влад[имир] Ник[олаевич] Майков просит Вас, любезнейший Иван Федорович, пожаловать к нему обедать на дачу в субботу, 23-го этого месяца, то есть послезавтра. Лучше всего Вам приехать ко мне в 4 часа без четверти (в дом Кожевниковой, на Невском проспекте, второй дом от Владимирской или Литейной улицы, кварт. № 19); если бы случилось, что меня еще не будет, то прошу покорнейше минут пять или десять подождать, и мы отправимся вместе.

Итак, до свидания.

Ваш Гончаров.

21 июля.

Может быть, мы еще увидимся сегодня у Языкова.

Е. В. ТОЛСТОЙ
22 августа 1855. Петербург

Угодно ли Вам идти к Майковым, и в таком случае позволите ли проводить Вас? Если же останетесь дома, то позволите ли принести или прикажете прислать показать китайские альбомы? Наконец, если ничего не угодно, то не прикажете ли мне просто лечь спать? В последней крайности я и на это готов. Ваших повелений будет ожидать преданный Вам по гроб включительно И. Гончаров.

22 августа [18]55.

Е. В. ТОЛСТОЙ
23 августа 1855. Петербург

Ваше кольцо и перчатки починены: прилагаю их. Где Вы? Не прикажете ли чего-нибудь?

Ваш усердный читатель Гончаров.

23 августа [18]55.

Прилагаю также два альманаха для прочтения и надеюсь, что м-те Якубинская уснет от них нынешнюю ночь очень хорошо, а м-те Богдановой желаю выздороветь.

Не здесь ли Вы еще?

Е. В. ТОЛСТОЙ

26 августа 1855. Петербург

Хотя Вы угрожаете уехать только на две недели, но мне все-таки хочется пожелать Вам счастливого пути. Я даже способен был прийти проводить Вас на железную дорогу, как это обыкновенно делают все, которые хотят показать, что им очень жаль расставаться с отъезжающими, если б, во-1-х, мне действительно было жаль расстаться с Вами на такой короткий срок, если б, во-2-х, мне за чем-нибудь понадобилось показать Вам это - и, в-3-х, если б я знал наверное, в который день Вы поедете.

Но увидеть Вас перед отъездом я желал и для этого в среду после обеда заезжал к Евг[ени] П[етровне], у которой Вы обещали обедать и не были. Что же мне остается теперь делать? Послать эту записочку, я думаю, в надежде, что Вы примете ее как доказательство, что Ваше отсутствие, хотя и кратковременное, не доставляет никакого удовольствия для Ваших друзей, и между ними и для

Гончарова.

Если же Вы едете не сегодня, а завтра, то не будете ли сегодня вечером у Евг[ени] П[етровны]?

Да правда ли, что только на 2 недели?

26 авг[уста].

Пятница.

Е. В. ТОЛСТОЙ

29 августа 1855. Петербург

Евгения Петровна и Николай Аполлон[ович] поручили мне уведомить Вас, что если завтра, в Александров день, не будет дождя, то они приедут смотреть церемонию шествия Имп[ераторской] Фамилии в Невский монастырь из окон Кожевникова дома, в котором, по моему распоряжению, оставлено для них место. Полагая, что Вы, по обещанию, воротитесь из Царского Села сегодня, они намереваются заехать завтра утром в 9 часов за Вами, в том предположении, что, может быть, если не имеете другого, лучшего случая видеть церемонию, Вы захотите посмотреть ее и из дома Кожевникова. Там одна квартира на улицу не занята, и управляющий предоставил мне, как жильцу этого дома, одно из окон.

Вчера был день рождения Николая Ап[оллоновича]: мы все там обедали и не раз сообщая изъявляли сожаление о Вашем отсутствии.

На случай, если б Вы воротились уже из Царского Села, - не прикажете ли чего-нибудь до невозможности преданному Вам Гончарову.

29 августа, [18]55. 11 ч[асов] утра.

Е. В. ТОЛСТОЙ

Август [?] 1855. Петербург

Entre 9 et 10 heures du soir, n'est-ce pas?[3] Вот я и в сомнении. Если утром - то уже нет никакой возможности, сейчас - 10 часов: как быть? Entre 10 et 11 - это еще возможно, - но так ли я понял? Боже мой, как я стал туп с тех пор, как Вы здесь! Говорят, это Ваша привилегия - конфузить, туманить, делать недогадливыми, словом, менять по своему произволу людей может быть, это и весело делать, но пощадите стариков!

Если Вы разумели утро, то на всякий случай я - у Ваших ног... виноват - дверей
Ваш верный слуга Гончаров.

Е. В. ТОЛСТОЙ.
Лето 1855. Петербург.

Прошу покорнейше уведомить меня, едете ли в Царское? Если едете, то я попросил бы не заезжать за мной: мне нужно на мину-ту зайти в контору Яз[ыкова] и в исходе 12-го часа я прямо бы явился к Евг[ении] Петровне.

Ваш усердный слуга

И. Гончаров.

И. Ф. ГОРБУНОВУ

3 сентября 1855. Петербург

Суббота, 3 сентября.

Завтра, то есть в воскресенье, старики Майковы будут вечером дома, и если Вы пожалуете часов в 7 вечера к ним, они будут рады. Там будут и молодые Майковы, оба брата, и я. Все мы Вас ждем, любезнейший Иван Федорович.

Майковы живут в том же доме и по той же лестнице, где живет Аполлон Ник[олаевич], над ним, направо. Это в Большой Садовой, против так называемого Юсупова сада, в доме бывшем Адама, ныне Полосухина. Вход с Садовой, третья лестница от угла.

До свидания.

Преданный Гончаров.

Е. В. ТОЛСТОЙ

4 сентября 1855. Петербург

От заботливости о спокойствии друзей мне так тяжело, больно, стыдно, неловко и совестно обременять Вас таким тяжелым поручением, каким решаюсь обременить Вас: что делать! таковы уж у меня понятия о дружбе. Возьмите на себя труд передать m-те Якубинской прилагаемый адрес мебельного мастера, с присовокуплением моего почтения ей, участия m-те Богдановой и наставнического расположения к Вам самим. На обороте карточки есть безграмотная надпись, из которой явствует, что за кресло надо оставить в залог что оно стоит, 30 руб. сер[ебром], и заплатить за наем 3 руб., но не явствует, за месяц ли (für) или за 4 (vier). Это в двух шагах от Вас, и потому можно самим выбрать кресло и условиться.

Я сам сижу в большом кресле, медленно оправляясь после вчерашнего. Болезнь у меня упорная: едва перемогаюсь, спал много, но дурно. К утру, по обыкновению, легче.

Вы не могли или не хотели определить на словах точнее пользы разговоров со мной, но я рад, что письма Ваши к родным были еще не запечатаны. Там в одном слове совершенно удовлетворительно для меня выражено свойство этих разговоров, а в каком именно слове - об этом скажу, когда буду иметь авантаж видеть Вас.

Остаюсь всё тем же, самым старым, самым преданным и самым полезным из Ваших почитателей.

И. Гончаров.

4 сентября [18]55.

Е. В. ТОЛСТОЙ

6 сентября 1855. Петербург

"C'est inutile que vous envoyez", - avez-vous dit hier.[4] В самом деле, Вы, должно быть, любите полезное. Et moi "j'aime l'inutile", [5] - повторяю я слова не то m-me Сталь, не то Севинье или, может быть, какой-нибудь другой из ненавидимых мною так называемых "умных женщин", bas bleu,[6] или писательниц. И потому мне, может быть, и бесполезно, но приятно (я с некоторого времени страх как полюбил слово "приятный" и оттого, в знак особенного моего к нему расположения, даже подчеркнул его) видеть хоть почерк Вашей руки, за невозможностью видеть пока самую руку; приятно узнать, состоится ли экспедиция в Мих[айловский] театр в том виде и составе, как она предполагалась вчера, или произошли какие-нибудь перемены, наконец, приятно даже, через Вас, услышать что-нибудь о насморке m-me Якубинской (не говорю уже о собственном Вашем насморке) и узнать, легче ли m-me Богдановой. Пользы в

этом нет, но приятно сказать Вам несколько слов и еще приятнее получить их от Вас.

Может быть, и Вы не найдете ли полезным узнать что-нибудь о моем здоровье: мне легче, болезнь понемногу уступает силе воли и характера; вчера спал лучше, нежели третьего дня, виноват, сегодня лучше, нежели вчера: бред и горячешные сны не мучили меня: видел сегодня просто снег во сне, а на снегу щепочку, потом скалу, а на скале букашку. Видите, какие мирные сны, а вчера, ах, Творец!

Посылаю Вам Писемского, Тургенева и картинку из "Отеч[ественных] записок": последнюю не угодно ли бросить, да и первых двух, пожалуй, бросьте, если б каприз пришел. Нет, это не в Вашем характере: Вы бы скорей разбили, если б они попались под руку, и потом отдали бы кому-нибудь склеить.

Сейчас присылала одна барыня просить "Современник" за август; если он совершенно не нужен Вам, не пришлете ли?

До 6 часов: я являюсь к Вашему порогу - так?

До свидания же - мой очаровательный,

изящный друг или враг, - ей-богу, не знаю до сих пор.

Весь, всегда и всюду Ваш

Гончаров.

6 сентября.

Посылаю записку, а сам боюсь, не огорчу ли опять Вас, как в воскресенье.

Е. В. ТОЛСТОЙ

6 сентября 1855. Петербург

C'est affreux, si vous manquez a vos amis ce soir: ne pouvez-vous pas dire que vous avez retenu la loge et invite le monde, que vous ne pourrez pas manquer sans blesser les convenances etc. etc., mais ce n'est pas a moi a mettre les points sur les ii pour vous.

J'attends avec impatience la reponse a 5 heures, si je dois venir avec la voiture. Faites comme vous savez, comme vous pouvez, mais faites que ce soit: oui. Je remettrai ce billet moi-meme a votre suisse: la reponse est inutile. Je vous demande bien pardon de ce griffonage mais je me depeche et je crains de ne plus vous revoir, a moins que ce ne soit pas ainsi pour ce soir.

Votre t. devoue Gontcharov.

Mardi, le 6 Septembre.

On dit que les piéces sont charmantes et le sp(ctacle sera brillant, surtout, j'ajouterai, si vous voudrez l'embellir de votre presence.

Перевод:

Это будет ужасно, если Вы не придете сего-

дня вечером к своим друзьям. Разве Вы не можете сказать, что Вы взяли ложу, что Вы пригласили туда знакомых и что Вы находите неудобным не прийти туда, не оскорбив приличий, и т. д. и т. д. Но не мне ставить точки над і для Вас. С нетерпением буду ждать известия в пять часов - должен ли я заехать за Вами. Делайте, как Вы знаете и как можете, но сделайте, чтоб это было: да. Я отдам эту записку сам Вашему швейцару, и ответ на нее бесполезен. Я очень прошу прощения за эти каракули, но я спешу и боюсь, что я не встречу с Вами снова, если этого не случится сегодня вечером.

Ваш вполне Вам преданный
Гончаров.

Вторник
6 сентября.

Говорят, что пьесы очень милы, и спектакль будет блестящим. В особенности, прибавлю я, если Вы захотите украсить его своим присутствием.

Е. В. ТОЛСТОЙ

6 сентября 1855. Петербург

Que faut-il faire donc? voulez-vous en effet commettre le crime de lèse-amitié? Mais les amis ont toujours la préférence, après viennent les parents. Et que faire avec la loge, que faire avec Les Maikoff, qui vous attendent au théâtre?

J'attends vos ordres pour venir avec la voiture - ou bien dictez-moi d'autres: quoi qu'ils soient, ils seront remplis, avec la soumission d'un ami dévoué et d'un serviteur zélé à toute épreuve

Gontcharov.

Mardi

à 5 3/4 heures

6 Sept.

ci - joint votre montre et deux cl(s).

Перевод:

Что же нужно сделать? Разве Вы в самом деле хотите совершить преступление оскорбления дружбы? Но друзья всегда имеют преимущество перед родственниками. Что делать с ложей и с Майковыми, которые Вас

ждут в театре? Я жду Ваших приказаний, чтобы заехать за Вами. Или же дайте мне другие приказания: каковы бы они ни были, они будут выполнены с почтительностью преданного друга и усердием готового на всё слуги

Гончарова.

Вторник, 5 3/4 ч.

6 сентября.

Прилагаю Ваши часы и два ключа.

Е. В. ТОЛСТОЙ

8 сентября 1855. Петербург

Вы недавно спрашивали меня о "Пепиньер-ке" - вот она. Я с трудом отрыл ее в куче старых моих рукописей. Посмотрите, как она побледнела и выцвела точь-в-точь, как и в моей памяти. Теперь я больше люблю классных дам, и то не настоящих, а будущих. - Едва ли Вы прочтете две первые страницы. Когда минует надобность, возвратите мне рукопись, вместе с книгами Тург[енева], Писем[ского], Нов[ого] поэта и альманахами.

Так как я, по словам Вашим, "вижу за двух", то позвольте предвидеть за Вас и за себя, что Екат[ерина] Фед[оровна] П[оздеева], если Вы пойдете в инстит[ут], того и гляди пожелает ехать с Вами к Майк[овым]. Можно ли просить Вас не проговориться (Боже мой! ну как опять рассердитесь по-вчерашнему? я погиб - да нет, - Вы - ангел всего, между прочим, и доброты, это же совсем особый случай) о Вашем намерении провести вечер у Евг[ении] П[етровны].

Нет сомнения, что Вам приятнее бы было возвратиться с Е[катериной] Ф[едоровной], но удостойте принять во внимание вот что: вчерашний, в высшей степени занимательный разговор для меня - не кончен, мне хотелось бы весьма пополнить его, но это всё мое удовольствие, а вот и Ваше: в начале приезда сюда, и именно в первый день, Вы мне сделали вечером один, и весьма важный для Вас самих, вопрос: я тогда не счел себя вправе отвечать на него и уклонился, теперь напротив, я бы погрешил против дружбы, если б умолчал. Сегодня, кажется, единственный и едва ли не последний случай сделать это.

Не отменяйте же, по-вчерашнему, распоряжения явиться к Вам сегодня, вскоре после 5-ти часов. Если удастся, передам Вам этот ответ - у Вас же, нет - так при возвращении от Майковых.

Я бы прислал Вам только что появившуюся мою статью о Японии, но не станете читать - она еще хуже Якутска, да и до того ли Вам? Пришлю в декабре, когда выйдет отдельной книжкой.

Скажите слово о здоровье m-me Богдано-

вой, также т-те Якуб[инской], особенно же
о Вашем: не повредил ли Вам вчерашний
дождь. Кланяюсь Вам до земли, и даже ниже.

Преданнейший из преданных Гончаров.

8 сент[ября].

Е. В. ТОЛСТОЙ

18 сентября 1855. Петербург

О ужас, Вы здесь! Вот какое было первое движение, когда я завидел Вашу миниатюрную записочку: здесь всё стало было приходить в свой порядок, все обратились (все я употребляю в смысле он) к своим занятиям, я даже пополнил немного, словом, еще неделя, и всё приняло бы нормальный вид, нужды нет, что Вас и помнят, и видят во сне! Второе движение - движение благодарности - за любезное и благосклонное уведомление о приезде. Я уже готов был заключить, что Вы принадлежите именно к числу таких друзей, на которых даже можно положиться (что весьма редко, если не невозможно, как оно и оказалось), если б в Ваши поступки не вкралась маленькая измена, именно: Вы сказали Л[ьховско]му что-то из разговора со мной о нем, а он, по своей натуре, не мог не проговориться. А я думал, не знаю почему, что Вы даже Вашему будущему мужу не скажете и безделицы, которая вверена Вам по секрету: такое исклю-

чение составляет Вы в моих глазах - во всем. В первой беседе с Вами скажу, что это такое. Впрочем, это - такая же маленькая измена, как известная Вам "запятая". Да и измена Вам, как "всякая шапка", к лицу.

Спешу отвечать на Ваши вопросы: Николаю Ап[оллоновичу] было лучше, потом хуже, теперь опять лучше. Евгения П[етровна] подвержена сильным припадкам патриотизма, и все мы тоже: я третьего дня старался доказать ей, что она - изменница и что Севастополь взят от нее. Юния Дм[итриевна] возвратилась и сердится (не знаю, искренно ли), что не нашла Вас в Москве. Все надо мной смеются, то есть Ю[ния] Д[митриевна], Л[ьховский]й, отчасти Евг[ения] П[етровна], прочие соболезнают. Я пропадаю совсем.

Вы меня не шутя огорчаете болезнью м-те Богдановой: вот и Вы способны огорчить (да еще как, я думаю, Боже мой!). Я хотел было послать узнать о ее здоровье, и о м-те Якубинской тоже, да боялся, что обе дамы найдут это ненужным и неуместным. - Но что это за мысль - ехать к сыну м-те Б[огдановой]: в числе богоугодных заведений, которые вме-

нено христианам посещать по воскресеньям, как-то темниц, больниц etc. - юнкерской школы не показано в Евангелии.

Извините, что письмо глупо: этому причиной, 1-е, что я не совсем здоров, 2-е, не видал Вас давно, не шутя, и следоват[ельно] впал в обычную апатию. Я уж объяснил Вам со всею откровенностью, что Ваше присутствие вызывает столько жизни из человека, по крайней мере из меня, Ваш ум будит чужой ум, по крайней мере мой, так что трудно решить, прекрасны ли Вы больше или больше умны? О третьей, моральной стороне я молчу, ее еще не знаю. До свидания. Выпадет ли нынче на мою долю счастливый, может быть, последний день - видеть Вас, поговорить с Вами и, может быть, проводить домой? Не прикажете ли чего? Сам я располагаю быть у Евг[ении] П[етровны] тотчас после обеда. Надеюсь, до свидания. Преданный - на всю жизнь и один день

Гончаров.

18 сентября.

Е. В. ТОЛСТОЙ

19 сентября 1855. Петербург

С благодарностью возвращаю печать m-me Якубинской и Ваш карандаш тоже. Я им не воспользовался, не делал отметок на Вашей тетрадке, потому, во-1-х, что негде, так всё исписано, а во-2-х, не имею ни права, ни возможности быть цензором таких верных, безыскусственных выражений Вашего сердца. Но чтение Ваших confidences[7] мне доставило несколько приятных минут. Всё написанное Вами есть верное отражение господствующего в Вас чувства - не больше. Вы, конечно, этого и достигали, принимаясь за перо, в противном случае, то есть если б у Вас была другая претензия, она бы непременно высказалась в тонкостях ума, Вы впали бы в частности, в подробности, старались бы об отделке, и тогда вышло бы литературнее, но не было бы искренности. А тут примета ее заключается, между прочим, в том, что Вы, по примеру всех так или иначе выражавших свое чувство, считали его исключением. Гос-

ка, мечты, слезы - всё это симптомы известной болезни. Зачем бы, кажется, это писать? А нужно, я знаю - помню, то есть я сам никогда не писал, а помню, что не прочь бы, если б меня заперли в деревне. Вам, как и всем в этом положении, жадно хочется прислушиваться к голосу собственного чувства, так что трудно заглушить в себе эту потребность высказываться. Его не было, говорить с ним нельзя, писать по почте об этом неудобно, особенно в такие места, где письма поступают в карантин, прежде нежели дойдут по адресу, - и вот Вы (и другой в таком состоянии) начинаете говорить с неодушевленными предметами, сначала с письменным столом, потом с печкой и т. д. Татьяна говорила и с одушевленными, с няней: хорошо у кого есть няня, а у кого нет - можно слова два перемолвить хоть с мухой. Но всё это у Вас грациозно, естественно грациозно, как Вы сами и Ваш ум, потом свежо и молодо, так что, особенно мучительная сторона страсти, даже и мне напомнило что-то бывалое, уж давно угасшее и забытое во мне. Позволю себе сделать одно капитальное замечание: Вы всё обращаетесь

к внешней его стороне, едва вскользь упоминая об уме, душе etc., а то всё "красивая поза", "опершись на руку" - да тут же непременно и "конь". Я всё думал, что у Вас это должно быть полнее. Впрочем, Вы и сами сознаетесь в своем дневнике, что Вы "влюблены", следовательно, это еще не решенный вопрос, наступила ли бы за пылом страсти настоящая, глубокая любовь, чувство прочное и более покойное? Во всех Ваших выражениях мелькает только страсть, в виде болезни, а не сознательное и неизменное чувство. Вы смело можете показать эту тетрадку Вашему будущему жениху: он найдет, что не всё для него погибло, и отроет тут много залогов на излечение. Я нахожу, что это и естественно - страсть и любовь (про которую я говорю) что-то не одинакое или, по крайней мере, бывает иногда не одинакое.

В двух местах только я вижу небольшие натяжки, это в выражениях тоска-змея да погодушка верховая: мне это показалось умышленным украшением, риторикой. Потом я не мог не засмеяться от души, читая, как Вы с ним мечтаете женить Ваших будущих детей.

Да, да, всё это верно, искренно: тут весь очаровательный мир, со всею милой глупостью любви, как называет это Апол[лон] М[айков] где-то, кажется, в "Машеньке".

Я позволил себе сделать этот общий вывод о Вашей тетрадке, предвидя изустный Ваш вопрос о моем мнении: но изустно не выскажешь в порядке и я предпочел написать. Но довольно, а то, пожалуй, не кончишь на листе, дай только волю себе. С Вами я особенно разговорчив: чувствую, однако ж, что апатия и тяжесть возвращаются понемногу ко мне, а Вы было своим умом и старой дружбой расшевелили во мне болтливость. - Еще раз благодарю за доверие, но тетрадки не возвращаю, по Вашему желанию, до личного свидания. Надеюсь, что в сказанном мною, несмотря на Вашу обидчивость, Вы не найдете ничего обидного: я счел дружескою обязанностию сказать откровенно, как и что мне кажется.

Поздравляю Вас: сегодня спектакль, говорят, великолепный и живо должен напомнить итальян[скую] оперу. Один отчаянный меломан сказывал мне, что, после Рубини, подобного певца не слыхали. Не знаю, насколько

ко тут правды: этот меломан лжет на каждом шагу. Он знаком с Майковыми и будет в театре, конечно, подойдет к ним: избегайте отвечать ему, если он заговорит как-нибудь и с Вами: он очень неприличен и порядочные женщины неохотно говорят с ним. Вы сейчас его узнаете: это обезьяна лет 70, в очках.

Так как Вы принимаете во мне участие до того, что иногда намереваетесь спросить о здоровье, то я спешу уведомить, что я очень нездоров: у меня, сверх головной боли, явился кашель, и если это не кончится к вечеру, я лишусь удовольствия видеть Вас и слушать "Лючию". Иду на службу.

Что здоровье m-me Богдановой.

Mes compliments a m-me Якубинской.

Tout a vous Гончаров.

19 сент[ября] [18]55.

Вот еще Вы не уехали, а какая корреспонденция началась, какие длинные письма: зачем это, скажите ради Бога, добро бы я дневник вел! Впрочем, это написано по поводу дневника.

Посылаю еще китайского изделия безделку: печати Вам не посылаю: жаль стало: Вы

вчера не изъявили особенного желания иметь ее.

Е. В. ТОЛСТОЙ

22 сентября 1855. Петербург

Литературное чтение вчера, слава Богу, расстроилось, предполагавшийся визит к Ю[нии] Д[митриевне], к сожалению, тоже не состоялся, и потому я пошел в театр смотреть "Ипохондрика". Там Влад[имир] Майк[ов] сказал мне, для передачи Вам, что он собирается с Екатер[иной] П[авловной], если не будет дождя, к Ю[нии] Д[митриевне] и что, дескать, будут очень рады (как не быть!) видеть Вас там. Так как Вы не знаете ее дома, а они за Вами не заедут, то не позволите ли предложить в проводники себя? Я часу в седьмом, около половины, явлюсь к Вашему швейцару и попрошу его доложить Вам о своем приходе: он очень ко мне благосклонен, а сам подожду внизу; Вы, вероятно, будете готовы. Если же погода испортится, то войду и сам.

Прошу поклониться m-me Якуб[инской] и Богд[ановой]: что ее здоровье? Об этом, впрочем, узнаю не прежде вечера, потому что эту записку отдам сам и ответа не дождусь.

Если же бы Вы расположили вечером как-нибудь иначе и пожелали об этом дать мне знать, то я просил бы сделать это не прежде 4-х часов, а то, пожалуй, ни меня, ни человека дома не будет и некому будет отдать записки.

Голова у меня как в тумане: едва сам разбираю, что пишу. Вчера из театра я поехал пить чай к к[нязю] Обол[енскому], просидел там до часу ночи, оттуда бы домой, а я в клуб - и вот последствия: головная боль. Некому бранить! Не побраните ли Вы? Утешаюсь надеждой на удовольствие видеть Вас.

T[out] a v[ous] - Гончаров.

22 сент[ября]

[18]55

P. S. Мне пришла вот такая мысль: Вы, в начале приезда, собирались с Никол[аем] Апол[лоновичем] взглянуть у меня на китайские и японские вещи: что если я попрошу Влад[имира] Ник[олаевича] и Екатерину Пав[ловну] зайти за Вами, а оттуда (увы, по отвратительной лестнице!) заглянуть ко мне и потом всем вместе отправиться к Юнии Дмитриевне? Вы бы увидели несколько японских ящичков etc. Si cela ne vous d'plait pas, on

peut arranger: je parlerai ce matin[8] а
Влад[имиру] Ник[олаевичу] и в начале или
половине седьмого они или я зайдем за Вами.
Извините за беспорядок письма.

Е. В. ТОЛСТОЙ

22 сентября 1855. Петербург

Влад[имир] Никол[аевич] и Екатерина Павловна скоро должны быть у Вас (около 6 часов), чтоб зайти за Вами и идти ко мне, всё равно, будет ли Ю[ния] Д[митриевна] дома или нет. От меня мы их можем проводить до дому. Спешу: извините отсутствию всякого ума в записке и присутствию неумолкаемого желания видеть Вас, где и когда возможно.

Преданный Гончаров.

22 сент[ября].

Е. В. ТОЛСТОЙ

26 сентября 1855. Петербург

Я сейчас только увидел, что на билетах написано "кресло 2-го ряда" и счел нужным предупредить Вас об этом, для соображений о "шляпке". Если под этим не разумеется балкон, а в самом деле кресло 2-го ряда, то я утешаюсь тем, что Вы будете у самой почти сцены и увидите Лючию яснее, и тем еще, что в антрактах нечего будет рассматривать впереди, кроме меня. "C'est inutile", [9] - скажете Вы на это, я знаю.

А *propos de l'inutile*[10]: это вчерашнее Ваше слово да вечер, назначавшийся посещению одного из богоугодных заведений, кажется, пажеского корпуса, да другой, не менее замечательный вечер (в пятницу), да укрывательство в течение 3-х дней от глаз друзей по возвращении из Царского, да... да... *Dites-moi, n'est-ce pas vrai que le doute est la plus sÛre des choses?*[11] - А другие доказательства разве не говорят в пользу дружбы? - возразите Вы. О, конечно: оттого я только сомневаюсь, а не не

верю. Видите, я прав даже в сомнениях!

Сегодня праздник, неиду на службу и с радостью хватаюсь за приятнейшее из времяпровождений - разговаривать с Вами.

До свидания же, прекраснейшая, лучшая, первая женщина - без сомнения, и друг - с сомнением.

Постараюсь быть ровно в 6 часов.

Гончаров.

26 сент[ября]. Понедельник.

Comment va la santй de m-me Богд[ановой]? Et m-me Якубинск[ая] que fait-elle? voulez-vous bien vous charger de presenter mes compliments a toutes les deux?[12]

Что мне делать с Вашими папиросами? отсылать - жаль, курить - не курю... Не верьте приметам вообще, и между прочим той, которую Вы привели третьего дня в карете: с печалью вижу, что не все они сбываются.

Я употреблю праздник тоже на добрые дела: погода немного пойду отыскивать "Demimonde"[13], только в книжных лавках, а не в салонах.

У меня есть повод сказать Вам об одном из Ваших блистательных достоинств, которое

давно наблюдаю: если напомниме ужо, я Вам скажу. О недостатках я молчу: о них надо говорить долго, часа два - по крайней мере.

Е. В. ТОЛСТОЙ
27 [?] сентября 1855.
Петербург

Не знаю, какую бы счастливую примету основать на этих, отданных мне Вами при выходе из театра и забытых перчатках: помогите. Я уверовал в приметы, с тех пор, как... да просто с пачки папирос.

А пока я вдоволь нанюхался запаха этой кожи, удовольствие, которое Вы щедро, en vйritable Fortune,[14] предлагали в карете всем, кроме меня.

Посылаю перчатки, посылаю две брошюры, майковскую и Вашу, посылаю вырезанное из вчерашней газеты расписание поездов царско-сельской дороги на октябрь, посылаю выражение самой живой и неизменной приязни и надежды скоро увидеть Вас.

Гончаров.

Сейчас принесли из типографии отдельные оттиски "Манилы": отправляю к переплетчику, с приказанием изготовить как можно скорее один экземпляр.

Au revoir.

Нет: я раздумал посылать Вам другую брошюру: я передам ее Майковым сам и скажу, что я измял ее: она не выправилась. Вам посылаю только Вашу.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ

3 октября 1855. Петербург

3 октября.

Третьего дня умерла та барыня, с которой приехала сюда Е. В. Толстая. Перед смертью она пожелала, чтоб тело ее отвезли в ее имение; в Симбирскую губ[ернию]. Вам до этого никакого дела нет, и мне тоже, но сестра этой дамы, т-те Полозова, а более Елизавета Вас[ильевна], обратилась ко мне с просьбой узнать в дирекции железной дороги:

1, Нужен ли особенный вагон для тела, и что он стоит? и

2, Нельзя ли поместить на одной платформе с гробом двух людей умершей и ее вещи? (Им сказали, что будто едва ли можно).

Я отвечал Елизавете Вас[ильевне], что сам ничего не знаю, но что попрошу покорнейше осведомиться Вас через Александра Павл[овича] или через П. П. Зуева, и уверил, что Вы замолвите даже слово, чтобы сделали возможные снисхождения, например, поместили бы людей вместе с гробом и т. п. Они желают,

чтобы это всё сделано было с возможною экономией.

Елизавета Вас[ильевна] не решается просить Вас, говоря, что она не считает себя вправе беспокоить Вас и т. п. Я уверил ее, что Вы сделаете, что можно, ни для нее, ни для меня, а для самого дела, потому что Вы таковы по Вашей природной доброте.

Скажите, можете ли Вы осведомиться обо всем этом через Александра Павл[овича] и попросить его поговорить с Петром Павл[овичем], я бы сегодня вечером зашел к Вам за ответом или прислал завтра утром? Тело должно быть увезено в среду. Извините, ради Бога, что беспокою Вас: но все эти барыни в тревоге, не спят, не знают, что делать. Сегодня к ним приедет какой-то родственник, муж т-те Полозовой.

До свидания.

Ваш Гончаров.

Доктор был взят по моей рекомендации, и покойница перед смертью помянула, кажется, меня лихом. "Какого это он доктора рекомендовал мне", сказала она.

Вчера Вас ждали у Майковых: там было,

между прочим, семейство Штакеншнейдеров.

Извините за такое грбовое письмо.

Н. А. НЕКРАСОВУ

8 октября 1855. Петербург

Под опасением надоесть Вам, любезнейший Николай Алексеевич, посылаю верного своего Филиппа справиться об отдельных оттисках, согласно обещанию насчет субботы, и буде возможно, извлечь их из типографии. Он мог бы даже сходить в типографию, если б знал, где она. Не дадите ли Вы ему записочку туда, к кому следует? Мне надо отдать эти оттиски кое-кому в Морском министерстве, вместе с "Манилой", которая уже готова.

Да, вот еще что: если б в следующих книжках "Современника" стали опять делать извлечения из "Морского сборника", попросите, пожалуйста, из остальных моих двух статей о Японии делать извлечения не длинные и не самых живых мест. Я боюсь, что они плохо разойдутся, когда выйдут (в ноябре) отдельной книжкой, если большая часть заранее будет прочтена в отрывках. Я предупредил об этом Краевского и Каткова, а Вам забыл сказать.

До свидания.
Ваш Гончаров/
8 октября,
[18]55.

Е. В. ТОЛСТОЙ

11 октября 1855. Петербург

11 октября вечером

Не сетуйте, что, несмотря на магнетизм Ваших глаз, на вибрацию Вашего голоса, чем всем Вы так могущественно на меня действуете и чем Вы выразили (невольнo) желание, чтоб я почал альбом, я написал такое неловкое приветствие Вашей кузине. Помните, что неловкость есть один из признаков большой... дружбы, и снизойдите к моему бессилию. Убедитесь из этого, что у меня не всегда хорош - слог. О причинах не распространяюсь, между прочим, и потому, что спать хочу. Завтра, может быть, буду умнее, в таком только, впрочем, случае, если не увижу Вас, но как от этого мне было бы скучнее, то пусть я буду лучше терпеть горе не от ума, а от глупости, лишь бы увидел Вас в исходе шестого часа.

Посылаю при этой записке несколько записок Отечественных для m-те Якубинской, с выражением почтения. Когда возвратят, возь-

му другие и доставлю. Прикажите отдать человеку мои книги. Посылаю Вам и "Ликейские острова", так что теперь Вы будете иметь всего - меня... До свидания. Боюсь опоздать и получить выговор от ослепительно-прекрасного друга.

Весь Ваш Гончаров.

Е. В. ТОЛСТОЙ

13 октября 1855. Петербург

Вы имели основание вчера сказать: "Этим Вы доказываете... дружбу?" хотя и я бы мог прибавить: "А Вы чем, не этим же ли?" Но я сказал другое или иначе, и сказал справедливо. Я всегда прав. Но вчерашний Ваш упрек имел некоторую тень справедливости, потому что я забыл (чего бы я не забыл вчера!) спросить Вас, когда Вам нужно доставить то, о чем Вы говорили перед театром? Впрочем, я надеялся видеть Вас в 4 часа у Евг[ении] П[етровны], оттого, конечно, и отложил этот вопрос. Мне должно бы, конечно, прийти в голову и то, что, может быть, Вам это нужно сегодня утром, и спросить, не будете ли Вы пораньше у Левицкого, чтобы до 11 часов я мог зайти туда и там отдать etc. Каюсь в недостатке дружбы и соображения: но не до того и не другого было мне вчера, повторю опять. Дружба воротилась сегодня утром только ко мне, а с нею и соображения. Вчера я был под влиянием... оперы, пожалуй. Итак, хоть - до 4-

х часов: скажите два слова, не более, я сейчас иду на службу, и человек нужен мне.

Я простудился и не знаю - доживу ли до обеда, особенно если выкупаюсь: здесь не Манила. "Скоро, скоро над моей могилой..." и т. д.

Один факт так и остается необъяснимым для меня: каким образом очутился у Вас "Морской сборник"?

Если б Вам понадобилось ужо вечером к Бутцу или куда-нибудь зайти, до 9 часов, изъясните желание - и я к Вашим услугам, а равно исполните Ваше намерение воротиться пораньше домой, чтоб я мог быть и у Краевского.

Всегда Вам преданный Гончаров.

13 окт[ября] [18]55.

М-те Якубинской - мое почтение.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
15 октября 1855. Петербург

Вчера я узнал, что Елизавета Вас[ильевна] Ведет сегодня утром: Евгения Петровна и Старушка собираются проводить ее. Кажется - и я тоже. Вчера я провожал ее к Майковым: у ней явилась мысль заехать за Вами, тем более что карета была четвероместная, но было уже 8 часов, когда это она вздумала. До тех пор она всё укладывалась.

До свидания, надеюсь, на железной дороге.
Ваш Гончаров.

15 октября [18]55.

Е. В. ТОЛСТОЙ

17 октября 1855. Петербург

17 окт[ября].

Желание быть Вам приятным и заботливостью о Ваших удовольствиях сделались моею господствующею обязанностью. Но вот случай, где не знаю как и быть. Ложи есть, но Майковы определили обыкнов[енную] цену, а билеты стоят вдвое (10 и 15 р. сер[ебром]). Меня это не останавливает, но как, даже в глазах близких друзей, не нарушая так назыв[аемые] приличия, купить себе право доставить Вам удовольствие? Я сказал Старику однако ж так, что если будет ложа, то Вы и я заедем за ними не позже 6 часов, а если нет, то Вы проведете последний вечер в кругу друзей, то есть у них. Сам же я полагаю распорядиться так: заеду к Вам в 5 часов узнать Ваше мнение об этом щекотливом вопросе и, если Вы захотите ехать в театр, несмотря ни на что, я съезжу за билетом (билеты будут: их неохотно покупают, дороги, а спектакль неизвестен) и ворочусь за Вами в экипаже, если

же Вы пожелаете провести последний вечер в кругу друзей, то не угодно ли отправиться к Евг[ени] Петров[не] часу в седьмом: и позволить мне проводить Вас туда и обратно в экипаже - погода нехороша.

Надеюсь, Вы позволите мне видеть Вас хоть четверть часа у Вас или в карете, по дороге к Евг[ени] П[етровне] - нигде больше: не бойтесь - Бог с Вами. Ни умыслов, ни сетей, ни птицеловства, о которых Вы не постыдились намекнуть мне вчера, а есть только одно неодолимое желание заслужить Ваше доброе мнение и никогда не терять его, приобрести Вашу дружбу и быть ею счастливым.

У меня хандра, хандра. Я Вас не узнал вчера и не понял: послеобеденная задумчивость, будто бы от избытка здоровья, и эти намеки... Утешаюсь, что это не Ваше, не в Вас выросло, а так, навеяно со стороны, с намерением, конечно, добрым, но излишним в этом случае. Прощайте. Какой у меня несчастный, мнительный характер. Не правда ли? До 5 часов.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
17 октября 1855. Петербург

Я сам за этим же сейчас заеду к ней, то есть узнать, где она и что она. Вчера они собирались все в театр: не знаю, чем это кончилось. Если она едет завтра, то я прерано дам Вам о том знать. Посылаю Вам брошюры.

Ваш И. Гончаров.

17 окт[ября].

Е. В. ТОЛСТОЙ

20 октября 1855. Петербург

Тотчас после Вашего отъезда я послал к т-те Якубинской за салопом, но ее целый день не было дома, и она прислала салоп на другой день рано утром, а я в ту же минуту отослал его к г-ну Соболевскому, который возвратил его мне и отвечал, что "вещей очень много и взять салопа нельзя. Вот если б прислали вчера..." Не взять Вашего салопа - гнуснее поступка не может быть в нравственной природе человека! Я отправил сегодня посылку к Юнии Дмитриевне с просьбою отослать с кем-нибудь из знакомых инженерных офицеров в Москву и доставить к Вам, в дом г-жи Колошиной. К этому я приложил присланную из дома Олсуфьевых какую-то наволочку и принесенные от переплетчика Ваши книги (5 том[ов]) Феваля (ужели Вы любите этого автора?). Юния Дм[итриевна], по доброте своей, охотно взялась сделать всё, что можно.

Обо всем этом имею честь Вас уведомить.

Все без Вас скучно, не скажу - кому более

всех: при всей моей просвире к Вам - не могу изменить чужому секрету.

Он даже насильственно, почти посредством преступления, овладел Вашим портретом (в позе, заданной Николаем Ап[оллоновичем]). Я сегодня целый день был у Евгении Петр[овны] и присутствовал при этой сцене: презабавная. Он зашел к Левицкому узнать о портретах: они были не готовы, кроме сказанного. Но подмастерье Левицкого стер подлинник со стекла, думая, что он не нужен, так что теперь повторить его, без Вас, нельзя. Он взял портрет, принес его к Николаю Аполл[оновичу] и объявил, что у него отнимут этот портрет не иначе, как если "зарежут или отравят его самого, словом, возьмут через труп". Потом прибавил, что для снятия копии масляными красками он может ссудить портрет, под строгим честным словом, на некоторое время, и потом возьмет к себе. Евг[ения] П[етровна] рассердилась на него, закричала, как "он смеет брать чужую вещь", а Николай Ап[оллонович] смеялся и великодушно уступил. Евг[ения] П[етровна] заметила, что будут другие портреты, зачем ему именно этот.

"Этого ни у кого не будет, - заметил он, - а те она раздарит другим..." - "Как Вы смеее ду- мать, что она станет раздаривать..."

(продолжение впредь).[15]

Я написал было на том листке целую сце- ну, но оторвал другую половинку и пришлю ее не прежде, как если Вы изъявите желание читать дальше и если уверите, что письма до- ходят до Ваших рук прямо и непосредственно. Это нужно знать потому, что в описываемой мною сцене заключается как Ваша характе- ристика, так и других лиц оставленного Вами небольшого кружка друзей, которые, может быть, не захотели бы, чтоб о разных чертах их характера знали другие, кроме Вас. Напи- шите же, долго ли Вы остаетесь в Москве, прислать ли Вам продолжение письма и по- сылать ли по московскому адресу?

Теперь скажу, что было в этом кружке в эти два дня после Вашего отъезда. Я знаю, что все мелочи и подробности о тех, кого Вы лю- бите, интересны для Вас, и потому не боюсь писать о них, и притом они такого рода, что не обнаруживают никаких странностей и осо- бенностей в характере Ваших друзей, так что

если о них прочтут и другие, кроме Вас, то им обидеться нельзя. В день Вашего отъезда вечером я был у Н[екрасова], где собралось человек пятнадцать литераторов; пришел Аполлон и прочел свое "Подражание Данту". Вы помните это прекрасное стихотворение, но только тогда была одна половина, он прибавил другую, где сильно говорит о злоупотреблениях, ворах и невежестве в нашей родной стране и о том, как внешний вид порядка и строгости прикрывает всё это. Сказанное в дантовском тоне - это выходит величаво-мрачно и правдиво. Жаль, что напечатать этого нельзя, но по рукам это стихотворение разойдется быстро. Я берусь взять эти стихи у Аполлона, лишь только он обработает их окончательно, велю переписать и пришлю Вам. А Вы мне что за эту неувядающую память и мысль о Вас, за непрестанное внимание, за отеческую попечительность о Ваших удовольствиях? - Хотел было я послать Вам свой портрет и был у Левицкого, но струсил: мысль, что будете смеяться надо мной, да еще не одни... По подобной же причине не дал и *porte-cigare*, хотя считаю ее Вашею.

Тургенев, у которого я был вчера, спрашивал меня: "Скажите, какая прекрасная женщина живет у Майк[овых] и можно ли там увидеть ее?" Я показал ему шиш. Вчера у Евг[ении] Петр[овны] обедала Юния Дм[итриевна], Старик с женой (они вдвоем ушли в оперу, в "Ломбардов"), вечером пришел Аполл[он] с Анной Ивановной. Нужно ли говорить, как живо присутствовали Вы в воспоминаниях, как говорили о Вас, как вырывали у чудака Ваш портрет из рук и как он энергически защищал его.

Обратите внимание на оторванный листок: памятен ли он Вам?

Прощайте. Зачем не могу сказать - до свидания.

Всегда Ваш Гончаров.

20 октября 1855. Четв[ерг].

Браслет Ваш и пряжечку возьму сегодня и отдам Николаю Ап[оллоновичу].

У меня теперь составилаь, кажется, отчетливая идея о Вас, но, увы, с какими недостатками! Идеал мой сильно страдает. Запишу эту идею и, если пожелаете, то пришлю.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
22 октября 1855. Петербург.

Та госпожа, у которой жила m-me Якубинская, прислала мне салоп Елизаветы Васил[ьевны] не вчера, а сегодня. Я послал его к Соболевскому ранехонько сегодня же, а он отвечал, что "вещей слишком много и взять нельзя. Если б, дескать, прислали вчера..." Гнуснее поступка я и придумать не могу.

Мне кажется, Вы через знакомство Александра Павловича с офицерами можете помочь этому злу и оказать Елизавете Вас[ильевне] большую услугу, то есть переслать завтра же и там с железной дороги попросить отвезти по адресу, который прилагаю. Вчера же я подслушал, что офицер (с рыжеватыми усами, худощавый), которого Александр Павл[ович] приводил посмотреть "красавицу", говорил, когда дело шло о присылке салопа: "что ж, можно переслать". Вот если б Александр Павл[ович] напомнил ему это и поймал его на слове - и отослал салоп завтра, так, чтоб она в пятницу получила.

Посылаю Вам салоп и пять маленьких книжек, ее же, да еще какую-то наволочку, которую сегодня прислали из дома Олсуфьевых, где живет Соболевский.

Если б Вам и нельзя было отослать салоп, то оставьте его у себя (у меня, пожалуй, украдут), чтоб потом переслать к Майковым, а они передадут тому офицеру, который повезет от них портреты и проч.

Если не сегодня, то в пятницу (у меня свободные оба вечера) Вы расположитесь ехать в который-нибудь из этих дней к Майковым - напишите: я к Вашим услугам, туда и обратно, только скажите, в котором часу заехать за Вами.

До свидания.

Ваш Гончаров.

Е. В. ТОЛСТОЙ

25 октября 1855. Петербург

25 октября 1855. Вторник
Как благодарить Вас, изящнейший, нежнейший друг, за торопливую, милую весть о себе? Кинуться Вам в ноги и в умилении поцеловать одну из них, а буде можно, то и обе - Вы не велите, находите это унижением, а я вижу тут только понижение, взять одну из Ваших рук и почтительно-страстно приложиться к ней: пальцы закованы в броню колец, которые охлаждают пыл поцелуя. Заплакал бы от радости, да кругом все чиновники, я на службе был (когда пришло письмо), подумают, не рехнулся ли я. Но Вы поймете и без всего этого, как я рад: *faut-il encore mettre les points sur les ii?*[16] Но не думайте, однако ж, что Вы первая вспомнили обо мне, а не я о Вас, что Вы первая написали ко мне, а не я первый к Вам: доказательство должно быть давно в Ваших руках - это мое письмо, другое доказательство на Ваших плечах - это салоп, третье - в Ваших глазах: это книги. Вы не по-

дозревали, конечно, что навстречу Вашему письму неслось уже мое, не чувствовали, что за Вами помчалась моя неотступная мысль, летала, как докучливая муха, около поезда, врывалась нескромно в семейный вагон, тревожно отыскивала Вас среди узлов, мешков, ребят, старых и молодых княгинь, успокоивалась подле Вас час, два, потом, усталая, измученная, летела в столь любимый Вами Петербург и теперь ревниво допытывается, к кому направлены Ваши наиболее горькие сожаления, о ком были Ваши слезы?.. Нет, не догнать, не предупредить и не опередить Вашей дружбе мою, не переспорить меня в этом. Ваша дружба - как легкий, прохладный ветерок в летний день, нежит, щекочет нервы, приятно шевелит их, как струны, и производит музыку во всем организме. Моя - как воздух проникает всюду, всего касается, заходит в легкие: надо уйти на дно морское, чтоб защититься от него. Хорошо, если б она сделалась такую же необходимостью для Вас, как воздух, чтоб Вы не пожелали, в защиту от него, обратиться в рыбу. "Вы плакали", - пишете Вы, а о чем? Может быть, с досады, что я, по

эгоизму, не достал билета на спектакль в прошлый понедельник?.. Des choses les plus sures [17] etc. Нет, прочь этот скептический девиз, по крайней мере теперь, когда мне весело. Знаете, как мне жаль, что я не видал Ваших слез никогда: мне недостает их для полноты очерка всей Вашей физиономии. Если б Вы были здесь, я готов бы был разобидеть Вас, чтоб Вы заплакали, чтоб поглядеть, как из Ваших глаз "сыплются эти перлы", сказал бы поэт, и то восточный. Особенно хотелось бы видеть эти слезы, о которых Вы пишете, сосчитать, сколько их пролито вообще, досталось ли на мою долю, и если досталось, то сколько именно. Смекните на досуге и уведомяте об итоге поаккуратнее. Вы отвечаете на это всегда, что "слезы портят лицо, глаза красны" etc. Да Боже мой: разве только хороши сухие и ясные глаза? Рисовать - так, но чтоб не забывать никогда таких глаз, как Ваши, нужно изредка видеть их плачущими. Вы знаете - к чему проводник - слезы, но Вы не хлопотали о том, чтоб я не забывал Ваших глаз, оттого, конечно, никогда и не показывали слез.

Не подозревали Вы и того, что Вы едва

успели миновать Тверь, а у меня в голове, неправда - в душе, созрел уже план прилагаемой при этом главы романа. Вы еще не огляделись в Москве, а план был уже набросан на бумагу, теперь переписывается и завтра посылается к Вам - не того романа, который должен быть готов через полтора года во имя Ваше, а того, который начался в душе героя и Бог весть когда кончится. Это одна из больших, жалких страниц романа: за что на Вас ляжет печальная обязанность читать ее. Дружба героя тяжела. Я даже в сомнении, посылать ли эту исповедь героя, довольно безобразную, как рана, которую человек решается показать другу только потому, что надеется возбудить ею не отвращение, а участие. У героини много власти - во взгляде, в голосе, в слове: за отсутствием двух первых, благотворно может действовать последнее и уже подействовало. Посылаю еще и потому, что Вас это может позабавить, заставить не раз улыбнуться, а местами Вы не без участия увидите, как мучительно герой допытывается узнать героиню до самой маленькой веснушки на лице, до крошечного пятнышка на совести,

чтобы любить ее или без сомнений, или прояснить их, и любить со всеми пятнышками и веснушками. Ужели Вы без любопытства посмотрите на эту борьбу, из которой ему выйти поможет только или забвение им героини, или ее горячее участие. Я тоже принимаю участие в герое: мне жаль его. Того участия, которого ему недоставало в жизни, он уж не найдет, и ему предстоит одинокая и печальная старость. Позади у него мало доброго: он увлекался иногда без пути и толку и часто страдал оттого, что чересчур добросовестно смотрел Бог знает на что. Вот источник его сомнений.

Прежде нежели скажете что-нибудь о самом отрывке, не скажете ли, если можно поскорее, о том, что Вы его получили. Сегодня я взял Ваш браслет и булавку: отдам их Никол[аю] Апол[лоновичу], который будет отправлять портреты. Я уж писал, что я насильно взял один из них, но его на время отнимают у меня, чтоб сделать новую фотографию. Я возьму себе еще оттиск с последнего портрета, он хорош, и всё это спрячу в глубину бюро.

Записку Вашу я получил не в пятницу, 21-

го, как Вы думали, а сегодня, 24-го; пришла она 22-го, но вчера и третьего дня, по случаю праздников, я не был на службе, и письмо ждало меня. Напрасно говорите, чтоб я не показывал ее, я не покажу ни второй, ни третьей, ни сотой, если она будет. Поступайте так и с моими письмами. За верный адрес благодарю, но верен ли он: прихода не означено. Мой адрес, как я вижу, Вы, по обыкновению своему, потеряли, да я бы и удивился, если б он уцелел, а на память Вы Бог знает чего написали, много лишнего. Ни министерства, ни титула моего не нужно. Прилагаю особо на бумажке, как надо писать.

Пришла моя очередь удивляться и восхищаться Вашими записками. Грация ли Вашего ума или некоторая, редко проявляющаяся в Вас теплота чувства подкупают меня, только я не начитаюсь письма. Не избалуйте моим отзывом и пишите с тою же искренностью и простотой, с какой Вы вообще держите себя в отношении к друзьям Вашим.

Зачем это Вы уехали отсюда? Или бы Вы не приезжали, а если приехали, то не уезжали бы никогда. Это напомнит Вам немного уроки

Степ[ана] Сем[еновича], римскую историю и отзыв римлян об Августе, то есть известную дилемму. - Вы обещаете мне письмо - сколько надежд и радостей! Потом, может быть, ответите на отрывок - отрывком же? Да? Буду ждать.

Здесь началась обыкновенная жизнь, какая была до Вас: да что в ней? Никуда и ничего не хочется. Я уж уклонился от нескольких вечеров и обедов. Теперь вечер: я не выходил, пишу и не скучаю. Этого со мной давно, да кажется, никогда, не случилось.

У Майковых всё то же. Вчера, в воскр[есение], особенно живо вспомнили Вас. Были Кошевский и Михайлов. Пели, между прочим, "Птичку", даже двух, старую и новую. Мих[айлов] пел известный Вам романс из "Риголетто". Ко мне время от времени подходили Евг[ения] П[етровна], Старушка с вопросом: отчего я мрачен, апатичен, неподвижен, а другие замечали просто, что я "толст". У меня вертелся на языке каламбур, что я "отолстел" совсем, но я умолчал. Хотел быть Тург[енев], да обманул, были Льхов[ский], Конст[антин] Ап[оллонович], Дудышкин, Солониц[ын] и

больше никого. Перед ужином я поссорился с Евг[енией] П[етровной], а за ужином со Старушкой. Евг[ения] П[етровна] спросила меня, "о чем она думает". "Об ужине, не перегорело ли жаркое", - сказал я, потому что в это время накрывали на стол. "Что я, кухарка, что ли", - возразила она. "Гостеприимная хозяйка", - отвечал я и поспешил испросить прощения, с поцелованием руки. А со Старушкой мы тихонько заспорили о том, где Вы сидели за ужином: она говорила, что по левую руку Евг[ении] П[етровны], а я утверждал, что по правую. Обратились к Евг[ении] П[етровне]. "Маменька забыла", - сказала Старушка и вместо того, чтоб спросить, где сидела Е[лизавета] В[асильевна], спросила: "Не правда ли, тата, она здесь сидела?" Евг[ения] П[етровна] согласилась с ней. Такой вопрос показался мне недобросовестным, и я назвал это "кошачьим поступком". А Старушка упрекнула меня, что в моем характере исчезла мягкость и доброта с некоторых пор, что я был очень хорош, а теперь нет. И человек мой то же говорит. Но с утра сегодня я опять подобрае. Вчера был еще Бенедиктов. Аполлон опять читал

"Подражание Данту" и опять произвел большой эффект. В самом деле - это очень хорошо.

Что за погода: дождь льет, слякоть. Это, право, оттого, что Вы уехали. Воспоминание о конфектах преследует меня до сих пор: ложный стыд появиться с коробочкой и навлечь несколько насмешек удержал меня от удовольствия угодить Вам. Нет, видно, еще я мало люблю Вас. Теперь не могу мимо кондитерской равнодушно пройти. Как-нибудь постараюсь прислать - да как? С Кладбищевым не пошлю - съест: зачем это он туда едет. Это всё Вы виноваты.

Дайте ручку, обе - и прощайте пока. Ваш верный, верный и преданный друг

Гончаров.

Глупо письмо: где ж взять ума? ведь Вас уж нет. При Вас у меня были какие-то крылья, которые отпали теперь.

Е. В. ТОЛСТОЙ
26 [?] октября 1855 г.
Петербург

POUR И CONTRE

"Кому она подарит?" - "Да вот хоть этому, которому поручено отвезти их в Москву". - "Юноше, мальчику: вы не в своем уме. Порядочная женщина дарит свой портрет с величайшею разборчивостью и осторожностью, а она, с ее умом, тактом! Да ему и не дадут этих портретов, их отошлют по почте". - "Что ж такое, что мальчик, да тут есть конь, она любит это, и притом ее девиз: не оставлять недовольных". Хозяйка не слыхала этого, она перешла в другую комнату, и он ворчал мне на ухо: "На станцию она приехала с заплаканными глазами и высохшими от волнения губами..." - "Это оттого, что она прощалась с т-те Я[кубинской], - заметил я. - Та была так добра к ней..." "Неправда, - крикнул он на меня, - я знаю, с кем она прощалась. Она охотно соглашалась, чтоб мы не приходили провожать ее, а когда мы настояли на том, он не пришел..." -

"Потому что был en grande tenue", [18] - подсказал я. В это время женский голос вдруг сказал громко в гостиной: "Я пила у ней кофе в одно утро, и этот юноша был там: она настоятельно приказывала ему явиться в Москву, чтоб проводить ее в деревню..." - "Слышишь", - заметил мне мой приятель и изменился в лице. "Не может быть, - сказала хозяйка, - верно, она пошутила, что ей до этого мальчика!" - "Я сама слышала, это было при мне, - прервал опять женский голос: - "Смотрите же, - сказала она, - я вас жду в Москве и без вас не поеду..." Дело было плохо, и мне становилось трудновато защищать ее. "Это он не для нее, а для кузины едет..." - шепнул я ему. Он топнул на меня ногой. "Неправда, - сказал он, - ты эдак поверишь, что она обедала у Неч[...]. Нет, она берегла его про запас. Она знала его с малолетства, а она любит друзей детства. Так вот отчего она два дня не давала знать о себе, когда воротилась из Ц[арского], - с ужасом прибавил он, - ей нужно было видеться с ним, а при других не хотелось..." Я засмеялся. "Я удивляюсь, что тебе за дело, - сказал я, - что она подарит один портрет этому... как его,

Мертвецов, что ли, или пошлет другой в Малую Азию, третий в Казань и т. д. и устроит так, чтоб все были довольны ею? По какому праву ты строг и взыскателен к ней? Ведь только по праву ипохондрика..." - "Друга..." - "Мнительного, - добавил я (я жарко принял ее сторону). - Ведь она тебя не любит?" - "Нет", - с печальной уверенностью отвечал он. "Видишь ли! а права дружбы очень ограничены..." - "Если разуместь под именем друзей толпу старых знакомых, - оно так; но если между друзьями установились довольно сильные и определенные отношения, тогда двух таких друзей иметь нельзя". - "Ты же сам сравнивал дружбу с просвирой: так есть ее - суха, с супом - неприлично, наутро к чаю она засохнет, а между тем она святая! Это совершенно справедливо..." - "Я не хочу, чтоб из моей просвиры вынимали частицы за здоровье других", - сказал он. "Стало быть, выходит, что твой идеал - кокетка или слабая женщина, как многие", заметил я. "Ах, она не такая по своей природе, - живо, с умилением прибавил он, - она такое артистическое, щеголеватое создание, она аристократка природы - ей дано всё,

чтобы быть единственной из числа немногих, возвышенностью характера, чистотой сердца, прямою и достоинством, а она как "многие", говоришь ты. Многие и многие берут взятки, сплетничают, присваивают себе чужое, а мы ведь с тобой - нет, зачем же ты и ее хочешь толкнуть в эту толпу глупых, плоских, пошлых, нравственно безобразных женщин?" - "Я вовсе ничего не хочу, а только думаю, что ей негде было в деревне, у своих, видеть образцов высокого женского достоинства, что она, как артистическое произведение, по твоим словам, создана больше для красоты, для поэзии, роскоши и блеску общества, а не для существенной надобности; это драгоценная картина..." - "Но у ней есть тонкий такт и ум: ведь она не оступела же умственно в деревне, а развивалась головой, шла вперед: отчего ж остался такой пробел в нравственном ее воспитании.." - "Оттого, может быть, что она слишком хороша собой, а поклонники слишком искательны, настойчивы, живы, любезны, кладут к ее ногам всё: она нет-нет да наконец и сжалится. Если б она рано вышла замуж за порядочного человека, с головой и с

сердцем, он бы, конечно, твердой рукой повел ее к ее назначению и она была бы безукоризненной женой, может быть, идеалом жен, вроде римских матрон. А теперь она dans une fausse position[19] или, лучше сказать, position incertaine[20]. От этого ей иногда поневоле придется принять услугу от какого-нибудь юноши, чего бы в другом положении она ни за что не сделала, и за что улыбнуться ему, а от улыбки естественный и прямой переход к пожатию руки и т. д. Она, если ты прав в своих догадках насчет этого юноши, разбрасывает сокровища, которые при других обстоятельствах должны быть достоянием одного счастливица. Мужчины как терновые кусты: женщина, пробираясь между толпой их, неосторожно, как на кусте, на каждом оставит по клочку платья, то есть женского достоинства, и если долго будет бродить между ними, то можешь сам вообразить, в каком положении выйдет оттуда". "А ведь это правда", - отвечал мой приятель. "Вот и она наружно усвоила себе вид гордого спокойствия, а под этим, за недостатком серьезного содержания и интересов в жизни, кроется то же мелочное

стремление нравиться всем, выражаемое более или менее тонко и умно... и так пройдет она путь, как многие, пока не увянет, не оставив глубокого и неувядаемого следа в каком-нибудь одном честном, любящем и понимающем ее сердце, а только в портретах, да мы, старики, с отрадой будем вспоминать, как она была хороша, а будущая молодежь недоверчиво станет глядеть на нас..." - "Какую печальную картину рисуешь ты мне... как это жаль! Да, да, она суетна, тщеславна, задумчиво говорил мне приятель, - это самое желание распространить везде свои портреты показывает, что она дорожит своею репутацией - красавицы". "Еще бы не дорожить: всякий дорожит и должен дорожить данным ему даром". "У ней есть и альбом - с целью, конечно, собрать отовсюду дань похвал и увековечить их до старости". - "А что ж тут беды, - сказал я, - если даже и есть немного кокетства, сознания своей красоты, - ты хочешь отнять у ней все человеческие слабости оттого только, что она умнее других! Что ж ей, сидеть за поучительным словом, что ли, да рассуждать со стариками о пользе добродетели и о вреде поро-

ка... Ты не ценишь то, что она выдержала, строго и прилично, курс молодости, что молва до сих пор не смеет коснуться ее репутации: это разве не подвиг в своем роде, при ее красоте, мягкости сердца..." - "Да, это правда, - сказал он, пораженный неожиданным энергическим оборотом моей защиты, и мучительно задумался, преданный внутренней борьбе. - Но как же она пожалела об одном, - продолжал приятель, - который хотел переехать жить в Москву, - "а не в Петербург? - живо сказала она, - как мне жаль вас", - как, сокрушаясь, что "расстается с друзьями", настаивала, чтоб ехать накануне в театр..." - "Ну, это с горя, сказал я, - pour s'(tourdir..."[21] - "Нет, нет, - упрямо твердил он, - это суетность, тщеславие. Она только говорит, что не умеет лгать, притворяться, но это-то самое спокойствие и гордость и помогают ей, без смущения, выдерживать себя в те минуты, когда другая женщина невольно изменила бы себе. Скажи ей всё, что мы говорили с тобой", - прибавил он. "Зачем?" "Так, из желания добра". - "Лукавишь!" - "Ах, нет", - почти со слезами сказал он. "Побожись". Он побожился. "Чего ж

ты хочешь, чего требуешь от нее?" - "Сам не знаю, ничего не требую, а желаю ей совершенства - во всем, для нее же". - "Так ты думаешь, как Плюшкин у Гоголя, что против душе-спасительного слова она не устоит?" - "Нет, этой причины мне мало, чтоб иметь право говорить ей". - "Ты воображаешь, что если скажешь ей доброе слово, так она и не поедет с Мертвецовым в деревню, не будет с мальчи-ками по утрам пить кофе, а вечером уверять "друга", что не видит их совсем, что не пода-рит портрета и т. п." - "А может быть, и не бу-дет?" - "А разве тебе это нужно?" - "Не мне, а ей нужно, всё для нее". - "Какой ты добрый: да не хочешь ли ты жениться?" Вдруг лицо его просияло: по нем пробежала точно молния и исчезла. "Рад бы в рай, да грехи не пускают, - сказал он. Жениться, - мечтал он вслух, - ведь это значит не расставаться с ней, любоваться ее глазами, умом, грациею, жить успокаи-тельно и исполнить свое назначение под над-зором ее дружеского взгляда, под теплыми лу-чами обворожительной доброты ее сердца... это значит никогда не хотеть умереть невоз-можно, невозможно". - "Так видишь ли, что

ей за дело до друга и что за нужда слушаться его, если ей от него никакого проку нет". - "Если друг не может жениться, так разве из этого следует, что надо так небрежно бросать сокровища ума и сердца туда и сюда? Разве надо беречь себя, жить безукоризненно только для того, что это может не понравиться тому или другому", - сердито заметил он. "Ты влюблен и ревнив", - сказал я. Он молчал. "Нет, так она ничего не сделает". - "А может быть, и сделает, сказал он, - в ней тьма достоинств, поверь, больше, чем недостатков: в ней есть врожденная честность, доброта - женская, выражающаяся с тою грациею, которою она проникнута вся, до костей и мозга; ум у ней прямой и светлый, логика, с которою трудно бороться софизму..." - "А ты пробовал?" "Немного, больше для опыта и... не победил ее: она сначала указала, где софизм, а потом исполнила мое желание, но по другому уважению. Вся эта честность, эта внутренняя женская гордость и благоразумие только немного помяты, в долгой девической жизни, от неосторожного прикосновения". "Скажи откровенно, если б она принимала по утрам тебя, по-

ехала в деревню с тобой, подарила бы портрет тебе, ты бы... что посоветовал?.." - спросил я. Он вдруг смутился. "Я... я... - начал он, - да ведь я - исключение, друг, я бы принял всё это как "просвиру" и надеялся бы, что она не сделает этого для другого... Притом, знаешь что, - сказал он с твердостью убеждения, если б я и не читал ей морали, то наслаждался бы ее увлечением, не употребляя его во зло, и расквитался бы потом за него всею своею жизнью. Но ведь это не должно повторяться..." - "Говорил ли ты ей когда-нибудь о ее недостатках?" - "Когда мне случалось замечать ей, - отвечал он, - о том, что ей нейдет, - через две недели этого как будто не бывало..." - "Да ты, может быть, замечал ей о прическе, которая ей нейдет..." - "Нет, нет, - с досадой сказал он. - Я говорил ей, например, о провинциальной педантичности, с которой она иногда кокетничала умом, позировала (в чем, правду сказать, и греха нет: это только преследуется у нас в женщине, потому что им указана слишком легкая роль, а это доказательство серьезного ума и стремления к порядочности) или наоборот, когда она подолгу останавливалась

на каких-нибудь мелочах, институтских разговорах и т. п. за недостатком интересов серьезнее, или если они и есть или были, то нельзя было обнаружить их..." - "Ну, что ж она?" - "Всё как рукой сняло, и я впал в admiration[22] пред этим стремлением к усовершенствованию; как она ловит малейшую заметку о недостатке и как работает над собой! Разве это не залог честности, дельности, добра и вместе власти над собой: как ее не любить, как не привязаться к такой женщине душой, как не благословить ее, не искать сблизиться с ней, не тем так другим способом, и не желать ей счастья, счастья, счастья..." - "Ну, опять ты пошел, а забыл кокетство, суетность!.." Он как с облаков упал. "Да, да, точно, - спохватился он, - и это исправление ее, - продолжал он, - вследствие моих замечаний о педантичности, о казуистике и т. п. происходило тоже от суетности. Замечания эти касались только наружной выправки, она заботилась тут о том, чтоб держать себя безукоризненно в салоне, говорить с тактом в обществе, всё для внешности, всё из мелкого побуждения действовать на толпу, нравиться

всем, не думая об отыскании и исправлении каких-нибудь капитальных недостатков. А попробуй сказать ей: не кокетничай, не неряшествовай, ни физически, ни морально, как в потере вещей из мешка, в раздирании платьев, в разбрасывании носовых платков и денег по полу и по диванам, так и в отношениях и в сношениях с разными лицами, а взвешивай свои отношения строго, не рассылай по всем концам света портретов из суетности и кокетства, не будь слепо доверчива ко всем, не лукавь..." - "Не укради, не убий, не послушествовай на друга твоего свидетельства ложна, продолжал я, - так и увидишь, что ничего не выйдет". - "А может быть - она и взглянет на это строго и серьезно..." - "Нет, для этого не стану я ей говорить. Да отчего же ты не сам скажешь ей?" - "Ты книги сочиняешь, лучше меня выскажешь". - "Скажи причину уважительнее, может быть, я и передам ей всё это, а то она, пожалуй, рассердится за этот непрошенный анализ ее поступков: ты вон "друг", а я ровно не имею никакого права". - "Как непрошенный: да она требовала этого сама, просила, чтоб ей говорить о недостатках..." - "Вот это

другое дело. Ну, а потом что?" - "Потом ничего: я ее забуду". - "Зачем и за что?" - "Да так: мне как-то от этой дружбы больно. А больно - потому, что она женщина: не могу же я в самом деле любоваться на нее, как Пигмалион на Галатею, не могу запретить ей и увлекаться, а когда она увлечется... мне как-то делается неловко. Уж такая странная дружба. Чувствую, что мне надо сначала забыть в ней женщину и потом встретиться и помнить как друга". - "А жениться нельзя?" - спросил я. "Трудно, почти нельзя: надо, чтоб она изменилась до основания, а тогда бы она, может быть, не была так хороша, изящна..." - "И так неряшлива". - "И притом надо, чтоб она любила меня, и сильно". - "А если б она согласилась выйти за тебя?" Он сомнительно покачал головой. "Это, впрочем, сделало бы ей большую честь, - сказал он, - это - еще прекрасная черта в ее нравственной физиономии". Мне стало смешно. "Как ты скромн", - сказал я. "Ты не смейся,- возразил он. - Она дала мне свою дружбу не даром: во мне она видит, конечно несправедливо, преувеличенно, олицетворение некоторых нравственных достоинств

мужчины - и в этом обнаруживается более, нежели в чем-нибудь, залог превосходства ее нравственной натуры. Она оценила добрые качества..." - "Однако ж не до того, чтоб полюбить тебя, тебе вручила "просвиру", пожалуй, может быть, вышла бы за тебя и замуж, а румянец и огонь взглядов - всё это обращено туда, где замешался "конь" да "пожарная каска" и т. д. Видишь, как это поверхностно, не развито, - чем она не похожа на других?" - "Вижу, вижу; да - des choses les plus syres la plus syre est le doute.[23] Я ее непременно забуду", - решительно сказал он. "Как же ты это сделаешь?" - "А вот реже буду смотреть на это", - указал он на портрет. "Так дай его мне", - сказал я, взяв портрет. Он бросился на меня, схватил одной рукой за ворот, а другой стал отнимать портрет. Между нами завязалась драка. Он вырвал портрет и успокоился. "Зачем ты хочешь лишить меня последнего утешения смотреть на это изящное создание и воображать такие же внутренние совершенства". - "Это хороший способ забывать", сказал я. "Изредка буду смотреть, - отвечал он, - в большие праздники или в дурном расположе-

нии духа, или перед дурным поступком, или после... в первом случае, чтоб удержаться, во втором, чтоб сильнее раскаяться". - "Ты неисправим". - "Ах нет, я чувствую и теперь возможность забыть ее". - "Да и как не чувствовать: идеал твой уж побледнел перед действительностью, когда ты рассмотрел его поближе (как она и сама предвидела и предсказывала: она знала себя лучше). Кумир шатается на пьедестале: если ты подбавишь к этому немного мужской гордости, сознания достоинств, твердости - так через месяц, через два..." - "Ах, да, ты прав: Диоген всё искал с фонарем среди бела дня "человека", я искал "женщины" и, встретив ее, хотел потушить фонарь, а теперь..." - "Теперь?" - "Брошу, не найдешь, да и надоело, не под лета... Буду искать спокойствия - отныне это мой идеал". - "Ну а если все эти темные пятна - только призрак, фантом, если ты смотрел на всё это сквозь призму ее доверия к тебе и по этой аналогии судил о ее отношениях к другим - ты не боишься оскорбить ее?" - "Нет, она знает меня, я все-таки чувствую, что скажу это не совсем обыкновенной женщине, и не боюсь,

она оценит побуждения, которые заставляют меня так заниматься ею, взвесит уродливость моего характера, свои слабости и улыбнется тою улыбкою, в которой так много грации, ума и доброты". - "Ну если это всё есть в ее улыбке, так она улыбнется - из кокетства. Право, лучше не говорить ей ничего..." - "Нет, нет: если она увидит даже фальшивый свой портрет, то по нем ей легче будет самой себе определить свою физиономию, а я обещал ей помочь в этом..." "Ну, смотри! - сказал я, - не скажет она: "восхищаюсь и удивляюсь"". "Скоро, скоро надо мною..." - запел он на голос "Граioso..."[24] из "Лючии" и пошел домой. "Когда ж ты забудешь ее?" - спросил я вслед. "А вот когда исполнится со мной то, что пою теперь", - и он продолжал петь.

Лучший мой друг вбежал ко мне, в понедельник вечером, с сияющими глазами, с письмом в руке. "Как я устал, утомлен - от мучительного ожидания письма! Знаешь ли, во что превратилась жизнь моя с 18 октября?" - спросил он. "Нет, не знаю". - "В ожидание писем от нее и в отправление писем к ней: про-

межутки - это праздные, вялые, бесцветные дни. В голове и сердце творится беспокойный процесс расчета, когда она получит письмо, когда ответит, долго ли ему идти сюда. Сегодня меня обдало радостью, я счастлив, что получил письмо, счастлив, что отвечаю на него, послезавтра отправлю, а там опять апатия, зевота, пока наконец не настанет опять пора ждать и мучиться. Что ж из этого выйдет!" - с ужасом прибавил он. "А ничего, равнодушно сказал я, - сначала она ответит тебе двумя-тремя ласковыми письмами, четвертое будет похолоднее, пятое (если будет) придет нескоро, а шестое... вовсе не придет. Ты станешь ее забывать, она уж забывает, потому что "там теперь Мертвецов - она с ним...". - "Так ты думаешь, она с ним... того...". - "Да, думаю, что того... Ты же заразил меня сомнением. А не он, так другой, притом письма из Малой Азии... помнишь арию из "Риголетто" "...donna mobile..."[25]" Тут я пропел ему арию. Он задумчиво ходил по комнате, мне стало жалко его, и я опять повторил ему прежний вопрос: "Что тебе за дело до всего этого: ведь ты никаких на ее счет намерений не име-

ешь?" - "Ни на чей счет, ты знаешь", - сказал он. "Ну так из чего ж ты бьешься? Отвечай мне, любишь ты ее?" - "Нет, не могу, не смею любить. Мне любить? Вдруг сказать ей: "я люблю!", что так хорошо звучит в устах молодости, то в моем голосе задрезжал бы дико. Нет, нет, я не люблю, прочь, прочь эта мысль! Это лукавый искушает меня. Исчезни, исчезни, окаянный! - начал он скороговоркой, бегая по комнате, - чур меня, чур меня, Господи, Господи! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!!! Я болен ею, пошли поскорей за лекарем: мне стало как-то тесно на свете жить: то кажется, что я стою в страшной темноте, на краю пропасти, кругом туман, то вдруг озарит меня свет и блеск ее глаз и лица - и я будто поднимусь до облаков..." - "Да это сон, что ли?" - спросил я. "Между тем, - продолжал он, - я часто благословляю судьбу, что встретил ее: я стал лучше, кажется, по крайней мере с тех пор, как знаю ее, я не уличал себя ни в одном промахе против совести, даже ни в одном нечистом чувстве: мне всё чудится, что ее кроткий карий взгляд везде следит за мной, я чувствую над своей сове-

стью и волей постоянный невидимый контроль. Что бы она подумала, что бы она сказала о том или другом, поминутно спрашиваю я себя". - "Ну брат, ты немного спятил, как я вижу", - заметил я, закуривая сигару. "Я как будто встретил ангела, - говорил он, - на грязной тропинке жизни... Что это, кажется, ты куришь манильскую сигару?" - "Да, а что?" - "Дай-ко мне". Он неистово откусил кончик и, кажется, в рассеянности проглотил его, закурил и продолжал: "Да, встретил ангела, он остановил меня, приветливо взглянул на меня, взмахнул крыльями..." - "И пропел "кура-реку"", - перебил я. "Ужели ты так шутишь и в свои торжественные или печальные минуты?" - спросил он в негодовании. "Да, всегда, всюду, шутка не стареет никогда, не изменяет, не надоедает, шутка в мучениях вызывает улыбку, шутка... Ну, что ж ангел?" "Ангел сказал мне: "Вон твоя дорога, ты не туда идешь, ты зайдешь в болото", - взял за руку, указал путь и исчез. Я иду робко по этой дороге, но мне скучно без него, зачем он меня оставил? Я бегу вслед ему, кричу: "благодарю", но он уходит в толпу. "И ты не по той дороге

идешь, - кричу я ему, - смотри, там ходят демоны..."" - "По-русски - лешие", - заметил я. ""Они, - продолжал он, - приняли на себя человеческий образ, надели мундиры (некоторые сели на коней), они столкнут тебя в бездну, вспомни "Машеньку" (Ап. М[айко]ва), мне жаль тебя, ангел! И так у тебя опалены два три пера в крыльях, глаза сияют не ангельским блеском..." Ангел умчался. Да ты никак дремлешь? - вдруг спросил он. - Ты спишь?" - повторил он. "Что ты, как можно! - очнувшись, сказал я. - Так ты влюблен что называется - по уши!" "Называй как хочешь это чувство". - "Просвира". - "Только с ядом", прибавил он. "Ну а она что чувствует к тебе?" - спросил я. "Дружбу какую-то, так, чувство вроде самого пресного теста, без всякой закваски, без брожения. Она с любопытством смотрит, как играют лучи ее блеска в тусклом зеркале моей души, как лучи солнца на заглохшем пруду, потом она добра, мягка душой, она тронута моею внимательностью, благодарна, и этою благодарностью кротко и тепло сияет мне. Я, усталый, опустившийся, одряхлевший душой, - счастлив, что могу погреться у этого

приветного огонька. Желать и ожидать больше - я не вправе. Но я вправе, однако ж, заметить ей, что сердечные движения ее до того лишены живого, наружного выражения, что иногда похожи на забвение долга. С одной стороны - оно очень хорошо, в отношении лучших, например, а с другой не совсем. Начну с пустяков: например, с встречи с тою барыней, которая сказала ей: "M-me, vous avez d'йchirй votre robe";[26] она даже не позаботилась сказать ей "merci" (как я за ней наблюдал и в мелочах!), и кончу десятидневным молчанием ее, после отъезда, которым она почтила друзей, так радостно встретивших и так грустно проводивших ее". - "Леший приехал и, должно быть, мешал, к тетушке захотелось, если не застанет ее в Москве: какой добрый!" "В чувстве ее к друзьям сомневаться нельзя: она всех их вспомнила и всех любит, но эта привязанность требует иногда выражения поживее, как доказательства, иначе можно подозревать, что нет ничего..." - "Ты преполезный друг, всё ворчишь! - заметил я. - Послушай, вот мой совет, сказал я не шутя, - забыть ее..." - "Ты думаешь, что... это нужно?" - с

усилием выговорил он. "Сам посуди: намерений у тебя на ее счет нет никаких, ты влюблен, да это не причина, чтоб волноваться тебе бесплодно самому и заставляя ее думать Бог знает что о тебе. Ведь ничего из этого не выйдет, разве какая-нибудь отдаленная, ненадежная мысль встретиться опять, сблизиться уже не так живо и сонно, чисто дружески подать друг другу руку и пройти как-нибудь остальной путь. Но ведь это всё мечта: ты и сам не знаешь, на чем строишь ее. Между тем пишешь к ней, родные ее заметят и заключат что-нибудь серьезное - рассмотри, хорошо ли, благоразумно ли ты делаешь. А ты опытнее ее..." - "Да она не 18-ти лет: то, что поставилось бы в ошибку, вину девочке, то, в ее положении, не может возбудить никаких предосудительных подозрений на ее счет. Между тем это - большое утешение для меня, может быть, и ей подчас не совсем скучно получить от меня весть... Вот с моей стороны единственная цель этой переписки. Ведь она в ее лета имеет и должна иметь известную степень воли, какой не может и не должна иметь 18-летняя девочка". - "А если она вый-

дет замуж? а между тем переписка будет замечена, что будущий жених ее скажет..." - "Замуж, она!" сказал он. "Что, видишь: тебе это не по вкусу?" - "Ах нет, дай Бог ей счастья... пусть выйдет, если найдет счастье..." - "Ну так пиши изредка". "Не могу: или совсем не писать, или писать, как пишется теперь". - "Ну так совсем не писать, - решил я, - это последнее письмо?" - "Постой, постой: не нам принадлежит право решать, а ей одной. Ты напиши ей обо всем этом, и как она решит, так пусть и будет. Сам я добровольно не имею сил отказаться от этого, хотя, может быть, для нее оно и следовало бы". - "Хорошо, с этим условием я напишу к ней". - "Стало быть, и портрета моего не нужно посылать к ней, надо подождать, что она скажет?" - "Да". - "А я завтра сниму его с себя..." - "Зачем же?" - "Так, на всякий случай..." - "Нет, ты, я вижу, измучаешься, а не забудешь ее". - "Право, забуду, только не вдруг". - "Но если она решит, что писать не опасно и можно, что родные или не узнают или ничего особенного не подумают, что сама она от этой переписки тоже не переменит доброго мнения обо мне, что посторонние ни-

какого сватовства из этого не выведут, а мы с ней будем смотреть на это как на источник невинного, даже чистого удовольствия, тогда... за что лишиться его, особенно если еще она не выйдет замуж?.." - "Ты - хоть брось! так, дрянь! сказал я. - Она холодна к тебе, покойна вообще и потому решит беспристрастно". - "А если она смотрит на эту переписку по-моему, - заметил он, - как на источник большого утешения и невинного счастья и захочет продолжать, тогда ведь дрянь-то ты будешь! У тебя, я вижу, больше моего сомнений и *arrigre pensйе*"[27].

Е. В. ТОЛСТОЙ

28 октября 1855. Петербург

28 октября 1855.

Я бы ни за что не решился надоедать Вам этим, по счету третьим письмом, если б Евг[ения] П[етровна], у которой я вчера провел вечер, и бывшие там Екат[ерина] Пав[ловна] (Старушка), Ю[ния] Д[митриевна] и Анна Ив[ановна] не осыпали меня вопросами, отчего от Вас нет ни письма, ни вести? "Не знаю", - отвечал я. "Не получили ли Вы чего-нибудь?" - "Нет, дескать, не получил". Все заключили, что Вы, вероятно, отдаете письма на обыкновенную почту, отчего они и идут несколько дней, почти неделю, тогда как отдаваемые прямо на станцию железной дороги - до половины одиннадцатого - идут в тот же день, а приходят на другие, много на третьи сутки. Я, на основании своего скептического девиза, подумал, или, лучше сказать, не мог не допустить в голове своей другого предположения, и именно, что, может быть, московские друзья, о которых Вы отзывались с

таким добрым чувством, изгладили несколько из памяти здешних, а может быть, и безжавший какой-нибудь отсюда друг отвлекает Ваше внимание от этого, недавно еще Вам милого Петербурга. Но всё равно, что бы там ни было, а это печальное обстоятельство, то есть неполучение от Вас писем, дало мне повод вынуть из бюро Ваш портрет, поставить против себя и вот эдак с Вами беседовать. Доведя до сведения Вашего, нежнейший (по цвету лица, по крайней мере) друг наш Е[лизавета] В[асильевна], об этом участии небольшого кружка Ваших поклонников и поклонниц во всем, что до Вас касается, упомяну между прочим и о том, что последний, заказанный Вами портрет уже готов, но только вчера утром мог быть выдан, за отсутствием солнца, в двух экземплярах, из которых один я, по данному Вами дозволению, взял себе, а другой передал Николаю Ап[оллоновичу], который, по получении от Вас письма, пришлет его к Вам вместе с отданным мною вчера Евгении П[етровне] браслетом и большою булавкою. Сходства много, но Вы на портрете годами пятью старше - и потом где тут Ваш сияющий

умом и добротой взгляд, где мягкость линий, так гармонически сливающихся в волшебных красках румянца, белизны лица и блеска глаз? Этого нет, но всё дополняется памятью сердца, многими неизгладимыми следами Вашего присутствия, словом, Вы живете здесь между друзьями и долго будете жить силою красоты наружной и внутренней. Аминь.

Мы оба с Ник[олаем] Ап[оллоновичем] в одно утро, только часом раньше один другого, заходили за портретами, и обоим нам Лев[ицкий] горько жаловался на "друга Вашего детства", что он заезжал к нему вечером и "этот мальчишка, какой-то корнетик, фат, дрянь" (его выражения)... тут он назвал также его фамилию, как и я называю, "нашумел, накричал, чтоб ему отдали портреты, заносчиво требовал, чтоб прислали ночью, что работают дурно, зачем это не готово, он едет и т. п.". Лев[ицкий] отвечал, что если б портреты и были готовы, то он их не отдаст, потому что, без приказанья, женских портретов никому не отдает, что он знает только Майк[ова] да Г[ончарова], знакомых с нею, и отдаст им, а не ему. "Я не хочу знать ни Майк[ова], ни

Г[ончарова], - возопил друг детства, - я еду, зачем не готово? Да скажите М[айко]ву, чтоб он прислал мне какой-то салоп. Эти бабы!.." - заключил он с досадой. Это - подлинные слова, переданные Л[евицки]м мне и Ник[олаю] Аполл[оновичу].

"Напишите, пожалуйста, об этом Лизе, если станете писать прежде нас", - сказала мне вчера Евг[ения] П[етровна]. "Зачем? мне бы не хотелось, лучше Вы сами, если находите нужным". - "Нет, Вы, - настаивала она. - Я сама не скоро соберусь писать". - "Так по крайней мере нельзя ли к этому присовокупить от Вас какой-нибудь совет, чтоб она была осторожнее в выборе поручителей или вообще друзей, что-нибудь такое, а иначе зачем ей знать..." - "Это само собой разумеется". - "Хорошо, я напишу, но прибавлю, что делаю это по Вашему поручению". - "Да". - "Не прибавить ли и того, что в детстве можно шалить вместе, играть, драть друг друга за уши и не иметь ничего общего, выросши?" - "Не мешает". - "Что надо верить не в титул друга, а в личность его, что не надо любви и доверия к друзьям детства обращать в principle, в этом

добродетели никакой нет, а удостоивать этих благ достойных, с строгою разборчивостью, что иногда из друга детства, которого лет 10 (минус 10 же) не видишь, мог выйти..." - "Хорошо, хорошо, - говорила она, - что можно быть очень представительным в салоне, на параде, казать себя лицом, как товар, и быть другим в другом месте?" - "Да, да".

Сообщаю Вам об этом единственно по желанию Евгении П[етровны] и еще более потому, что, может быть, по ее предположению, Вы извлечете из этого для себя маленький опыт. Она, как и все здесь друзья Ваши, не только любят Вас, но и уважают: иначе, ни одною любовью, без уважения, ни одним, конечно, и уважением, без любви, такого общего благоприятного впечатления сделать нельзя, какое сделали Вы. Все тронуты Вашей красотой, изяществом, добротой и умом, всем, чем наделил Вас так щедро le hasard,[28] но вместе не менее тронуты и достоинством, с каким это всё Вами поддерживается. От этого, вероятно, Евг[ения] П[етровна] и дает Вам эти, по ее мнению, нелишние советы и предостережения.

Исполняя желание Евг[ении] П[етровны], я излишним считаю присовокуплять, по Вашему уму и такту (Вы однажды за такое предостережение уж рассердились на меня), что обо всем сказанном по поводу "друга детства" не надо рассказывать и писать никому и ничего, потому что Лев[ицкий] передавал это, не подозревая нисколько, что это где-нибудь повторится. Не советую расспрашивать и даже подавать вид и самому "другу", и кухне тоже, а примите это только так, к сведению, а письмо уничтожьте.

Не забудьте же написать Евгении П[етровне], как и куда нужно прислать портрет: если Вы не знаете их адреса, то вот он: На Большой Садовой, против Юсупова сада, в доме бывшем Адама, ныне - не знаю чей (это всё равно, найдут), вход с Садовой; не забудьте слово черкнуть Юнии Дм[итриевне], полслова Старушке, поклон Анне Ив[ановне] (это уже мои советы). Всем им это очень будет приятно. Сделаю даже маленькую сплетню, скажу Вам на ушко, что все немного удивились, что расписка в получении салопа прислана, а письма нет. Я успокоил их, сказав, что кондуктор с

салопом, вероятно, торопил Вас, что доказывает и расписка, данная на первом попавшемся клочке.

Сделать еще маленькую сплетню? извольте: для Вас чего не сделаю? Одна очень добрая особа заметила: "Зачем это она едет с ним: мне это не нравится?" Я, в оправдание, должен был сказать, что он, кажется, интересуется видеть другую, а потом прибавил, что ведь она ездила иногда здесь с другим домой или из дома... "По городу, 2 версты, а не 100 верст, и потом не с 20-летним мальчишкой, и наконец..." Тут этому другому сказан был комплимент, который скучно повторять. Надеюсь, Вы не рассердитесь на меня за это эхо, как и за все другие эхи: Вы сами сказали: "пишите всё" - и уверили, что я всё-таки буду "приятен". Посмотрю, так ли это. Надеюсь, что если это письмо и не застанет Вас в Москве, то его перешлют Вам в деревню. Прощайте.

Что если вдруг от Вас завтра письмо придет? Это ничего, что на него опять к Вам скоро придет ответ? Вы скажите откровенно, если это Вам не нравится, я тотчас замолчу и как в воду кану.

Семейство архитект[ора] Штакеншн[ейде-ра], которое Вы видели, пожелало, чтобы Евг[ения] П[етровна] привезла к ним меня: она дала слово и, Боже мой, как убеждает меня ехать в ту субботу: кажется, я поеду: что сказать от Вас горбунье с умным лицом?

Тепл[яков] никак не может добиться, чтоб кто-нибудь пошел к нему: Майк[овы] нейдут, звал меня с Языковым - нейдём, звал Дуд[ышкина], Кр[аевского] и меня - нейдут. - У Е[вгении] П[етровны] воскресенья будут через воскресенье: надоедает каждый раз. - Извините, что так пишу, да просто извините, что пишу: вполне надеюсь на Вашу снисходительную "просвиру" ко мне. Сегодня взял перо единственно затем, чтоб предупредить Вас насчет ожидаемых Майковыми писем. А то, право, реже буду писать, может быть, и совсем не стану, чтоб не наскучить.

Господин с птичьим лицом (по Вашему злому замечанию) - был в воскресенье у М[айковых], конечно, в надежде видеть кого-то, но увы! Что это, все сокрушаются о Вас: только я один - ничего. Я сказал Евгении П[етровне], что я так и к Вам напишу, то есть что мне од-

ному только не скучно. "Да, поверит она Вам!" - были ее слова.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
28 октября 1855. Петербург

Увы! Обедаю я сегодня у Тургенева, а вечером должен быть у фан дер Флита: две пятницы манкировал. А хотелось бы быть у них, то есть у Майк[овых], и с Вами в особенности. Теперь не знаю, когда это случится: в воскресенье, кажется, их нет дома. Завтра вечером, только не наверное, постараюсь быть у Вас, если не утащат меня к Языковым. Евг[ения] П[етровна], кажется, не совсем здорова, то есть так себе. Прощайте, душенька.

И. Г.

Е. В. ТОЛСТОЙ

3 ноября 1855. Петербург

3 ноября 1855

Вы обещали писать к Майк[овым] в субботу, 22-го окт[ября], а написали ровно через неделю. Письмо получено в воскресенье вечером 30-го окт[ября]. Первую мою записку получили Вы в пятницу 21-го и отвечали на нее через десять дней. "Всё мешали писать", - поневоле спросишь: кто? А Вы не подумали, сколько мучительных вопросов раздалось здесь о Вас: "Здорова ли, жива ли она? Доходят ли до Вас письма etc. etc.?" В субботу Майк[овы] и я были у Яз[ыковых]. Я, как только мог небрежнее, спросил у Евг[ении] П[етровны], есть ли письма от Вас. "Нет", - сказала она. - "Что это значит?" - "Loin des yeux, loin du coeur", [29] - отвечала она, глядя на меня насмешливо, а я еще насмешливее поглядел на бывшего тут же "лучшего моего друга" (того, о котором Вы догадывались так пытливо, который присвоил портрет, словом, героя романа) и перевел ему ту же поговорку на немецкий

язык: "Aus den Augen, aus dem Sinn". Но поговорка с переводом не утешили его: он был так же мрачен до воскресенья вечера. Он накануне не вытерпел и написал Вам еще третье письмо, в пятницу 28-го окт[ября] (по прежнему адресу, в Москву: вытребуйте его оттуда). В воскресенье мы были у Старушки (это было не Евг[ении] П[етровны] день): я, с другом своим, пришел туда же. Леонид выглянул в переднюю: "Е[лизавета] В[асильевна] здесь?" - спросил я его на ухо, как, бывало, при Вас. "Нет,-отвечал он на ухо же, - а письмо от нее есть". У друга отлегло от сердца. Он мгновенно сделался весел. Ему дали прочесть письмо, он читал его вслух, шутил, везде, где сказано было: "целую Ек[атерину] П[авловну]", он вставлял свое имя и, когда прочел, что и по ночам Вам было у М[айковых] хорошо, спросил Евг[ению] П[етровну], что Вы с ней делали по ночам. "Да разве Вы не получили ничего от нее?" - спросила Е[вгения] П[етровна]. "Нет". - "Верно, получите". - "Может быть: она сказала, что ответит, если я напишу ей, а я писал только вчера (разумея то письмо, которое теперь в Москве, а может быть, уже и у

Вас), то ответа еще и нет". Я предчувствовал письмо, но оно было еще в департаменте.

Наконец вот оно, вот письмо: сколько ума опять и сколько чувства... Хотел было сказать, да друг мой стоит возле меня и держит наготове сомнение. "Чувства! - говорит он, - разве ты не видишь, что она, получив отсюда большое письмо, вдруг спохватилась, что молчала целую неделю, и разом написала и грустное, и веселое письмо, чтоб показать, что думала о нас целую неделю и что писала будто понемногу, а она всё написала в один вечер. Смотри еще: делает вид, что будто не догадывается, кто присвоил портрет, и только по получении письма узнала, что ты был у Лев[ицкого]! А "друг-то детства", который уехал отсюда 22-го в субб[оту], разве в воскресенье не сказал ей этого? ведь он тоже, по ее поручению, был у Л[евицкого], и тот сказал, кому отдал портреты". "Зачем же она это делает?" - спросил я в недоумении. "Как зачем? чтоб не показать, что виделась с ним всю неделю, что он "мешал ей писать", - просто кошачий, архи-кошачий поступок. Да еще сама же говорит: "Вы могли подумать, что я не помнила о Вас це-

люю неделю", это - значит: знает кошка, чье мясо съела. А о нем - ни слова: как будто его там и нет, всё тетушка, да тетушка! И теперь жди от нее ответа скоро, как не так. Она скажет "всё тетушка", а как ты поверишь, что не дядюшка". - "Что тебе за дело? - спросил я с досадой. - Она делает, что ей вздумается". Он ушел от меня прочь и сел в угол, а я продолжал восхищаться Вашим письмом, кроме поговорок, к которым у Вас есть слабость, как я заметил здесь еще, и не к одним пословицам, а вообще к готовым изречениям. В пословицах, конечно, много сжато практической мудрости, но в употреблении их есть какая-то старческая наивность: тут всё, дескать, сказано, а нам лень или мы не умеем сами решать. Оттого их так странно слышать в устах молодости, особенно где так много своего ума и красоты, как... у одной моей знакомой.

Вы упрекаете, зачем я говорю "непрямо", а прибегаю к околичностям: да мне всё снится чей-то посторонний глаз, который заглядывает в мое письмо, может быть, хорошенький глаз Вашей миленькой кузины, - это бы еще ничего, а если - кузины в мужеском роде?.. Я -

до некоторой степени прав: вспомните m-me Якуб[инскую] и мои записки. Да притом Вы вон собираетесь умирать: как же после этого без оглядки писать письма, да еще посылать портрет? Ну, если Вы умрете, - виноват - вознесетесь на небо, без завещания? Кому достанется всё это? Не говорите, пожалуйста, при посторонних, что хотите умереть: когда у девицы является тоска, предчувствие смерти, - друзья ее и влюбленные (в том числе и мой друг) бледнеют, а люди положительные тут же вяло замечают: "Ее надо замуж отдать: пора". А если случится тут доктор, тот сейчас приберет такой физиологический ключ к этой тоске, что и слушать не захотите. Я более Вас имею прав и повода на это последнее и неотъемлемое благо - смерть, да и то простудившись жестоко третьего дня и почувствовав сильный припадок лихорадки, вдруг перепугался возможности умереть - до получения обещанного письма от Вас. А как мило это письмо, как умно, как тепло! Я - не как лучший мой друг - восхищаюсь им без всяких сомнений и думаю: "Боже ее сохрани придумывать фразы и писать эти письма литера-

турно-хорошо. Пусть изливается этот язык ее ума и сердца просто...". Знаю, Вы будете возражать против ума: скажете, что "ничего умного не сказано". Пожалуй, нет ничего нового, глубокого. Да разве умный человек всегда говорит непременно что-нибудь новое и неслышанное? Нет, он говорит обыкновенные вещи, а между тем и они пропитаны умом, и движения, и голос. Ум имеет свою обаятельную прелесть, как и красота, и действует одинаково с нею, с тою только разницею, что та действует на внешние чувства, а тот непосредственно на душу, и, следовательно, действует прочнее. У женщины ум в чувстве: он поглощается последним, у мужчин, напротив, чувство должно, кажется, уступать уму. А у Вас сверх того и в самой красоте есть ум. Да, я смею думать, что без ума красоты не может быть, или она не красота. "Вот у этой, - говорят, - прекрасное лицо, да в глазах выражается просто-та или даже глупость"; так вот уж никуда и не годится, и не красота. Если иногда струя ума, переливающаяся в глазах, в линиях лица безобразного, придает ему до некоторой степени красоту, то насколько же блеск ума возвыша-

ет прекрасное лицо. От этого у Вас - *set air distinguy*. [30] У Вас (а я всё про Вас: что это такое!) в письме, кроме остроумных, ловких замечаний, реплик, самая дружба высказывается так просто, с такою грациею, слова те звучат так мягко, что не знаешь, что лучше у Вас, сердце или Ваш ум, тонкий, нежный, женский? Что если он примется обманывать? беда моему другу: много испортится у него крови.

Ум перестает, однако ж, быть умом, когда впадает в педантство, то есть переходит границу свою: это называется умничанье, так точно как и чувство не чувство, когда выскакивает из своей колеи или теряется в мелочах, переходит свою естественную черту, тогда оно делается нежничаньем, сентиментальностью, теряя натуральную прелесть, уклоняясь от истины. У Вас этого ничего нет и быть не может. Вы инстинктивно, а может быть, и сознательно, обходите границу, Вы скорее склонны впасть в противоположность, в сухость - из боязни впасть в нежничанье, и оттого не бываете даже нежны: стыдитесь слез, "*comme une faiblesse*", *indigne de vous*. [31]

- Впрочем, что ж я говорю? Может быть, и бываете нежны когда-нибудь и с кем-нибудь. Со мной Вам нет повода быть нежной, а я могу только судить по письмам. Вы сознались, что у Вас "раза два выступали слезы", - и то слава Богу, и то - огромный успех в деле дружбы. Может быть, дождусь, что и польются когда-нибудь! О дружба, о святая просвира, благословляю тебя!

Евг[ения] П[етровна] согласилась в суб[боту] с т-те Яз[ыковой] женить меня. Когда я был в воскресенье у Владимира, Евг[ения] П[етровна] подседа ко мне и очень серьезно и тихо начала говорить, что зачем-де я таскаюсь по белу свету как отчужденный от людей, будто Каин какой, что я ни Богу свеча, ни черту кочерга, что наступают лета покоя, когда человеку так нужна дружба и т. п., что вот приехала какая-то милая, добрая девушка 19-ти лет, с 300 душ и хорошеньким носом, что им хочется, чтоб я женился... "Зачем это Вы мне говорите?" - спросил я. "Для Вашего счастья: мы видим, как Вам скучно на свете, - а это племянница Яз[ыковой]... женитесь, пожалуйста...", упрашивала она тоненьким,

нежным голоском. "Я бы с большим удовольствием сделал это для Вас, - сказал я ей, - но Вы знаете, что я никогда не думал о женитьбе, а теперь... когда передо мной недавно был идеал женщины, когда этот идол владеет мной так сильно, я в слепоте... и никогда не женюсь..." "Ну, так женитесь на идоле, - живо перебила она, - сделайте такую милость, - еще нежнее и тоньше голоском прибавила она, - постарайтесь как-нибудь..." - "Очень хорошо, я постараюсь... да нет, никак нельзя..." - сказал я. "Э! с досадой сделала она, отходя, - и впрямь ни Богу свеча, ни черту кочерга!.. Каин!"

Я хотел было в Ваше воспоминание взять ложу и ехать в "Пуритан", да случился обед, от которого нельзя было отказаться, да день рождения Тург[енева], и Майковы ездили одни. Сегодня они у Теплякова: я не поехал, а за мной прислала м-ме Ростовская, старая знакомая, тоже племянница Яз[ыковой]. Мы играли в карты. Она живет летом в Царском, и, так как о Вас Евгения П[етровна] говорила Языковым (оттого и Турге[нев] спрашивал о Вас), то м-ме Ростов[ская] сказала мне, что видела Вас с Олсуфьевыми] и что при Вас

безотлучно был какой-то "брат, должно быть", офицер, что Вы очень хороши собой и проч.

Портрет Ваш наконец снят, вместо утраченного, вновь, и Ник[олай] Ап[оллонович], одержимый желанием писать Ваш портрет, возьмет другой экземпляр себе, а первый поступит в бюро моего "лучшего друга". На днях побываю у другого, а не у Лев[ицкого] и постараюсь прислать обещанное: то-то будете смеяться "с кузиной в мужеском роде". Ю[ния] Д[митриевна] просила оттиск с моего портрета себе: я обещал. Я так сказал про Поля Февала, не то чтобы думал, что Вы его любите. Впрочем, у Вас есть эта слабость: какая-то универсальная "дружба" ко всем: мой лучший друг - против этого сильно, особенно против раздачи "даров фортуны". Он опять просит меня написать Вам маленький отрывок из романа. Если успею, пришлю. Сегодня второй день, как получил Ваше письмо, и если буду слушать и записывать его бред, то пройдет дня два еще, прежде нежели пошлю письмо. Утро у меня несвободно, а то Вы получали бы письма гораздо скорее.

Вчера от редактора "Морского сборника" я

получил известие, что книжка моя уже отпечатана: значит, во второй половине этого месяца я могу прислать ее к Вам в двух экземплярах: один Вам, другой на имя милой Вашей кузины, в память мимолетного знакомства. Послал бы на имя Вашей тетушки, да не смею: le mauvais hazard[32] лишил меня удовольствия быть ей представленным, по этой причине не считаю себя вправе выразить ей через Вас почтение. Кузине смело передайте поклон. Да: что они скажут? по какому поводу пишу к Вам? Скажите, что я старик. Вы пишете в письме к Майковым поклон мне, значит не надо, чтоб они знали о Вашем письме ко мне: между тем в этом же письме поручаете сказать Ю[нии] Д[митриевне] то и то. Я не скажу ничего и объявлю, что получил от Вас первое известие, когда придет ответ Ваш на мое третье письмо, но все-таки писем показывать не буду. Лучше в свободную минуту сами пошлите к ней маленькую записочку через Майковых или прямо в Гончарную улицу, в дом Шрейбера и поблагодарите за содействие к пересылке салопа.

Как лучший мой друг страдает сомнения-

ми, так и я страдаю одною убийственной уверенностью - больше не увидеться с Вами в жизни никогда. Вы подтвердили это в Вашем письме, дав мне "последний поцелуй"! Я и сам уверен в этом, а между тем эта фраза почему-то уязвила меня. Прощайте же, "и если навсегда, то прощайте навсегда", говоря словами Байрона (and if for ever, [Still for ever], fare thee well), только с большей тоской, не теперь, однако ж, а когда будете выходить замуж или перед смертью моей или Вашей вот причины прощаться. А теперь прощайте - пока, до следующего письма, мой чудесный друг, моя милая, умная, добрая, обворожительная... Лиза!!! вдруг сорвалось с языка. Я с ужасом оглядываюсь, нет ли кого кругом, и почтительно прибавляю: прощайте, Елизавета Вас[ильевна]: Бог да благословит Вас счастьем, какого Вы заслуживаете. Я, в умилении сердца, благодарю Вас за Вашу дружбу, которая греет меня, старика.

Опять нельзя сказать, что глупо письмо? А глупо. Я начал за здоровье, а свел за упокой - Вы же виноваты. - Вы думаете, что я шучу, так оттого и весел: да я шутил подчас, когда в

сердце были ужас и смятение: на морях, в ураган, перед ожидаемой смертью, бледнел и шутил: шутка - моя стихия.

А прогос о морях: сегодня я узнал, что адмирал и остальные мои спутники вокруг света - уже в Москве. - Сегодня меня терзали требованиями статей обещанных - до них ли мне? Завтра обед с литераторами, послезавтра в другом месте - до них ли мне?

Е. В. ТОЛСТОЙ

14 ноября 1855. Петербург

14 ноября [18]55.

Вы ленивы, Вы рассеянны, Вы живете только под влиянием настоящего момента, не связывая его ни с прошедшим, ни с будущим, Вы - притворщица, Вы - только самолюбивы, и в привязанностях Ваших не лежит серьезного основания, то есть теплого и сердечного, Вы... Вы... Вы... Ах, сколько бы я исписал страниц, если б вздумал исчислять Ваши недостатки, сказал бы я, но скажу - достоинства, потому что они помогают Вам жить так покойно и гордо, так лениво, не лишают Вас сна и аппетита, сохраняют свежесть лица, блеск глаз и вечную власть над сердцами людей, которые имели несчастье с Вами встретиться.

Мы, напротив, мы, то есть Ваши друзья, - не выпускаем Вас из вида, следим за Вами мысленно всюду, ездим по Москве, живем в деревне, ничто не затмит Вашего образа в нашей памяти, Вашего голоса в ушах, счастливы каждым ласковым словом и несчастны от

Вашего забвения. Мы с болезненным нетерпением ждем строчки от Вас и держим наготове перо, чтоб высказать, и не сможем высказать во всей полноте и силе о том, как свежо и живо впечатление, оставленное Вами, как ничто не выживет из нас Вашего краткого появления, как отъезд Ваш только раздражает и усиливает желание и надежду видеть Вас, как Ваше место и воспоминание до сих пор не могут заменить никакими настоящими и будущими явлениями, каким бы - так называемым счастьем - ни сопровождалась она, наконец, мы не признаем, не хотим признавать счастьем ничего, что не - Вы! Вот мы - какие! Мы... мы... и т. д. Всё это решу высказать только тогда, когда получу Ваши новые строки и увижу из них, что другие друзья, другое веселье, другие впечатления, чувства, всё другое (что теперь у Вас на глазах) не лишили Вас памяти о прежнем и вместе с этим желанием - знать и слышать о них.

Скажите, достанет ли у Вас духу оспаривать мой девиз *que la plus syre des choses - est le doute?*[33] Сами посудите: от 24-го октября Вы получили мое большое письмо и обещали

отвечать на него из деревни. Потом вслед за тем, конечно, прислали к Вам другое из Москвы, из дома г-жи Колошиной (куда я адресовал, не зная, что Вы едете в деревню), наконец, в ответ на Ваше второе, самое милое из писем, посланное из Москвы, я через три дня, несмотря на каторжный недосуг, послал, уже по деревенскому адресу, четвертое письмо (с приложением окончания главы "Pour и contre"), - и вот с тех пор прошли тысячи столетий, нет, меньше, 15 дней. Но 15 дней! разве это не тысяча лет, разве это не всё равно? И Вам не пришло на ум - я уж не говорю - на сердце, взять на другой, на третий, наконец, на пятый день перо и сказать: я жива, здорова, помню Вас... Или Ваша правдивость мешает? Вы не любите лгать, я знаю, ну так напишите: "Я забыла о Вас, мне некогда, не до Вас, здесь есть также друзья, но лучше, милее, любезнее, свежее, приятнее и живее - и притом они налицо". А это для Вас главное. Если всё не то, скажите: "Я нездорова (храни Вас Бог!), влюблена... (гм! гм!)... выхожу замуж (о ужас!), и потому мне не до друзей..." Почему же ужас? Потому что тогда Вас отнимут у нас на-

всегда, потому что всякая дружба, самая святая, самая вынужденная просвира, - всё это утонет в всепоглощающих правах мужа, потому что... потому что - ах, мало ли почему! Но Вы молчите упорно, убийственно, а здесь суматоха, друзья в тревоге: Евгения П[етровна] всякий день, приходя на службу, спрашивает с тревогой: "нет ли письма?". Екатерина Павл[овна] куда ни пойдет в гости обедать, вечером, в театре - всё думает: "будет ли завтра от нее весть?" Юния Дм[итриевна], та с ума сходит, везде мрачна, неразговорчива - и говорит тихонько, "что ее жизнь решена отныне, что ей не будет счастья больше никогда, что она нашла его только в том, чтоб видеть, слышать, знать и любить Вас"... И все-все, только я один покойнее всех, я утешаю их, говорю, что, верно, не один, а два, три, может быть, и больше синих листочков разбросано по Вашему столику, что Вы каждый день прибавляете по страничке и потом вдруг и пошлете. "А это ничего, что день за днем уходит, а мы ждем напрасно? это ничего, что если она останется месяца два в деревне, ей придется написать одно, много два письма!

Дни наши проходят вяло и бесцветно, это ничего, что мы вяло занимаемся своим делом? Она знает, что каждая ее строка дает нам жизнь и охоту - и работать, и веселиться" и проч. и проч. И мало ли что они говорят? "Должно быть, она писем не получает от Вас, - говорю я им в утешение, - или люди ленятся возить ее письма на почту и бросают, или, наконец, не всегда бывает оказия послать их на почту и т. д." Ничто не помогает. Они все задумчивы и мрачны. Нет, она - то, она - другое, твердят они и находят в Вас множество недостатков, о которых сообщу Вам как аккуратный Ваш корреспондент тотчас, лишь только получу от Вас ответ на прежние мои письма и отрывки. В самом деле, я пел всё Вам хвалу, теперь вооружаюсь твердостью и, если только пожелаете, гряну песнь строгую, серьезную, исполненную правды, не заглушаемую никаким чувством, не обсахаренную и не расиропленную энтузиазмом, но твердую, сознательную и неопровержимую, как тверда, сознательна и неопровержима моя дружба к Вам.

И что это за потребность говорить с Вами,

которую я одержим? Как ее обуздать? Вы принимаете деятельные меры к тому, то есть упорно молчите, и всё не помогает: вот я говорю, и говорю с такой охотой, которая похожа на страсть. Я нигде и никогда так не говорил и не говорю. Иногда болтаю, даже спорю, ум ратоборствует, но только ум. Сердце не вовлекает меня в эти разговоры, спорю холодно, отстаю охотно. Отними у меня это право говорить с Вами - и мне многого будет недоставать; пропадет самая живая нить, парализируется самый живой нерв, который так связывает меня с людьми, с обществом. Мудрено ли, что при предположении о Вашем замужестве я не могу защититься от ужаса, что вижу врага в будущем Вашем муже? ведь он ни Вам, ни мне писать не позволит, этот изверг!

Я вчера видел Вас во сне: я будто ждал Вас у Майков[ых]. Вы не являлись долго (почти так же долго, как однажды к обеду к ним: где Вы тогда были?.. не знаю, но угадываю), нетерпение мое возросло до болезни, наконец Вы явились, но где была Ваша красота? Вы были обезображены - и я все-таки был неизменно счастлив, увидя Вас, как случилось бы

и не во сне. Но сам я был - представьте - без... всякого костюма, прикрывался какой-то простыней... Говорят - это значит несчастье: пусть, лишь бы не для Вас.

Сегодня воскресенье: пользуюсь свободным утром, чтоб эгоистически, может быть, *malgrй vous*, [34] перенести Вас в Петерб[ург] и напомнить о некоторых знакомых Вам лицах. Начну с Никол[ая] Аполл[оновича]. Он собрался было послать к Вам Ваш портрет, но я остановил его, сказав, что надо подождать от Вас еще известия, что я не получал от Вас ни строки (к удивлению Евг[ени] П[етровны]), но что жду ответа на то письмо будто бы первое, которое писал с ее ведома и отчасти поручения (не заставшее Вас в Москве), и что тогда и следует Вам послать Ваш портрет, "и мой тоже, прибавил я, - если она выразит и мне желание иметь его". Вы так долго молчите, что заставляете предполагать в Вас всякую перемену мыслей и желаний, оттого я и не заказывал своего портрета: может быть, Вы давно уж раздумали иметь его, а я вдруг пришлю. Как-то неловко, некстати выходит. Мы наконец были у архитектора Штакеншнейде-

ра со всеми Майковыми. Было человек 60 художников всякого рода и литераторов, много женщин некрасивых. С Евгенией Петр[овной], по близорукости ее, случилось важное событие. При разъезде, в передней, человек стал надевать ей теплые сапоги, а рядом с ней швейцар, отставной солдат, надевал сапоги какой-то другой барыне и нагнулся. Евгения Петровна приняла спину его за крытую серым сукном скамью и села на нее. Солдат, полагая, конечно, что это так и следует, что к числу его обязанностей относится между прочим и это, не пошевелился. Бог знает, сколько бы еще просидела она, если б Ник[олай] Ап[оллонович] не вывел ее из заблуждения. В прошлое воскр[есенье] было у них не живо, а было довольно, Тепляковы, Бороздны. Пришел Тург[енев], и мы - то есть Апол[лон], Дудыш[кин], я, Писемский, Потехин и Тург[енев], составили особый угол. Льхов[ский] был при дамах, роль, которая принадлежит ему на вечерах у Евг[ении] П[етровны], то есть *jeune premier*. [35] Евгения П[етровна] нас два раза разгоняла в этот вечер, когда мы усаживались с ним в угол. Сего-

дня они все, кажется, у президента Академии гр. Толстого. Я эту неделю ни разу не обедал дома и ни одного вечера не провел у себя: но хожу всюду, как автомат (краду сравнение из прошлого Вашего письма). Мне что-то скучно, вяло, хотя нет особенных причин скучать, кроме одной. Напротив, случилось несколько благоприятных событий. - Устроил я Аполлону чтение нового его стихотворения у князя Обол[енского] и графа Толстого (не президента): всем очень понравилось, особенно молодым княгине и графине. Графиня за обедом сказала, что жила в деревне. "Где?" - спросил я. "В Звенигороде", - говорит. Она (урожд. Бибикова) знает Вашу тетушку. Я не мог не прибавить, что те места оживлены теперь Вашим присутствием. - На днях один возвратившийся из отпуска мой сослуживец вдруг сказал мне в департ[аменте], что мне кланяется "м-лле Толстая". Можно себе представить эффект этих слов на меня. Оказалось, что этот поклон прислала (если он не лжет) Ваша миленькая кузина, с которой он ехал по железной дороге. Он, впрочем, знает и Вас, видал в Москве. Фамилия его - Левченко. Ведь он мог бы за-

ехать в деревню, кажется, он знаком с тетушкой. "Счастливец! - думал я, - зачем не я на его месте? Как бы это возможно взять отпуск на неделю, съездить и воротиться... А зачем? - вдруг является вопрос, - кому тебя нужно?" и т. д. Такие вопросы значительно охлаждают всякие порывы. - Я, верный своим обещаниям, просил у Аполлона списка его стихов для Вас, но он просит подождать, всё обрабатывает, убавляет, прибавляет и долго не обещает дать.

Позволено ли сказать два слова о себе? Вы требовали, по Вашей любезности, и этого. Извольте. Впрочем, мне весело сообщить это Вам. Это происшествие радует здесь многих. Я имел счастье получить из Николаева записку от великого князя Константина Ник[олаевича], в которой Его Высочество, в приятных выражениях, благодарит меня за "прекрасные статьи о Японии. Он читал их с большим удовольствием и просит украшать "Морск[ой] сборник" новыми трудами" etc. Подписано: Константин. Это произвело благоприятное впечатление не только на меня, но и на весь круг литераторов, да и на всех, кто только ни

узнает. Это дороже всяких перстней, потому что небывалая и не совсем обыкновенная награда, тонкая и деликатная. Эту записку я берегу вместе с Вашими письмами: доказательство, как она мне дорога. - Адмирал Путятин (я в прошлом письме писал Вам о его приезде) просит меня у моего начальства на два месяца - писать, для Государя, отчет за всю экспедицию. Много работы, надо написать целую книгу, но всё лучше сидеть дома, нежели таскаться каждый день на службу. Если это состоится, то я буду заходить в должность узнавать только, нет ли писем от Вас, да и то накажу там курьерам приносить их к себе домой. Есть маленькая надежда, что я буду иметь более свободного времени для литерат[урных] занятий: может быть, мне дадут прежнее мое место. Между тем со всех сторон просят статей: я всем обещал: это лучшее средство успокоить, а потом сделать, сколько силы и время позволят. - Влад[имир], Старушка, Ю[ния] Д[митриевна] - все вспоминают о Вас. Да, скажите, Вы не сердитесь ли на меня, что много пустяков пишу? или не сердятся ли на Вас за то, что Вы пишете? Скажите откро-

венно - я не буду, пожалуй, хотя... совсем не -
хотя, а нехотя. Наконец - ответите ли хоть на
это письмо? Скажете ли о причине молча-
ния? Заняты ли кем-нибудь так, что недосуг,
или нет ли речи о замужестве? Надеюсь, что
Вы первому мне сообщите эту новость? Да
что это я пристаю к Вам: велите мне замол-
чать. Да, я приказываю, - говорите Вы: слу-
шаю и молчу. Еще одно: если в письмах моих
повеет хандрой, если говорится о намерении
забыть Вас и Вашу дружбу, - не верьте, а верь-
те, что альфа и омега моей хандры - и радости
тоже - не скажу, кто и что. Прощайте.

Желание Евгении П[етровны] и m-me
Яз[ыковой] женить меня на тульской барыш-
не не увенчалось никаким успехом, и обе
отступили от меня, видя que je ne suis pas
mariable.[36]

На упрек Ваш, выраженный в прошлом
письме, зачем "не прямо пишу", а с примесью
он да они, отвечу еще, что Вы и здесь запрети-
ли мне о многом говорить. "Cela m'embarasse",
[37] - твердили Вы. Стало быть, остается
немногое, а об этом не разговоришься. Вы не
разрешили, так и уехали, писать о том, se qui

fait votre embarras,[38] - следоват[ельно], сами меня связали.

Потом в письмах этих, что ни говорите, много глупостей. Одно особенно, третье, не заставшее Вас в Москве, так глупо: что если б Вы его разорвали да прислали мне несколько клочков в доказательство, что исполнили мое желание (le doute partout[39]), Вы бы премного меня утешили!

Прощайте. Ах, увижу ли Вас когда-нибудь, где-нибудь! Прощайте или до свидания. Если с Вами никаких перемен нет и Вы не пишете только по гнусной лености и убийственному равнодушию к старым друзьям, - то да простит Бог: если б у Вас был уже заготовлен ответ на первую часть моей главы романа, а когда пришла вторая, Вы, может быть, бросили ответ на первую, - не делайте этого, en gтvse, [40] а пришлите всё, если это справедливо. А если просто нельзя писать, не велят или не тянет к этому - и не пишете.

Да будет Вам стыдно - отрекаюсь от дружбы к Вам навсегда, если эти письма будет читать когда-нибудь и где-нибудь другой или другая, кроме Вас.

Н. А. НЕКРАСОВУ

Ноябрь 1855. Петербург

Заглавия статье я еще никакого не придумал, любезнейший Николай Алексеевич: если дело идет об объявлении в газетах, то нельзя ли сказать глухо, а я пока выдумаю. Всё дело заключается в урагане на Китайском море, потом в приезде на о[стро]ва Бонин-Сима, но назвать в заглавии - "Ураган" не хочется, много претензии. За статью я еще не принимался, всё отвлекает служба и другие дела, так что спина трещит. Обедать завтра - придумал и благодарю за приглашение. Вот бы завтра вместе выдумали заглавие. Пожалуй, напишите ("Ураган на Китайском море и острова Бонин-Сима")[41] или нет, лучше просто "Острова Бонин-Сима": это скромнее, а ураган уж пусть будет сюрприз для читателей. Именно так, пожалуйста. До завтра, до 4 1/2 часов.

Среда.

Ваш Гончаров.

Спешу ужасно.

Н. А. ГОНЧАРОВУ

1 декабря 1855. Петербург

1 декабря, 1855 г.

Вчера только, любезнейший брат Николай Александрович, узнал я о случившемся с Елиз[аветой] Карловной несчастью и душевно опечален этим. Поклонись ей и изъяви глубокое мое сожаление, да сделай дружбу, уведошь поскорее, лучше ли ей и кончится ли повреждение ноги благополучно, без последствий. Вчера мне сказал об этом Петр Карлович, и он узнал от кого-то от посторонних.

Я получил давно твое письмо, где ты пишешь о редакторской своей должности. И очень хорошо делаешь, что не перепечатываешь моих статей: ведь журналы в Симбирске получают, зачем же одно и то же повторять дважды?

Мне очень недосуг, оттого и пишу такое микроскопическое письмо. Приехал адмирал Путятин, с которым я плавал, и выпросил у министра откомандировать меня м[еся]ца на два писать отчет Государю об экспедиции.

Сестра Анна Алекс[андровна] вручит тебе экземпляр отдельно вышедшей моей книжки о Японии, составленной из статей, помещенных в "Морском сборнике".

Уведомь, здоровы ли твои дети, и кланяйся семейству Рудольфов. Поздравляю тебя с наступающим днем твоих именин. Будь здоров и не забывай преданного тебе брата.

И. Гончаров.

Е. В. ТОЛСТОЙ

1 декабря 1855. Петербург

1 декабря 1855

Милостивая государыня
Елизавета Васильевна.

Упорное молчание, конечно, есть верное средство к прекращению бесполезной переписки с бесполезными друзьями, но Вы, вероятно, предполагали, что, после Вашего дружеского расположения и двух-трех ласковых писем к Вашим старым знакомым, молчание это породит тьму вопросов, внушаемых участием: здорова ли она? не уехала ли оттуда? ленится? рассердилась? и т. п. Майковы спрашивают у меня, я у них, у Ю[нии] Д[митриевны]. В доказательство прилагаю при этом записку Евг[ении] П[етровны] ко мне, при которой она прислала мне мои заграничные письма (для извлечения кое-чего в путевые впечатления), и спрашивает о Вас. Что я мог сказать ей? Я всё говорю, "что не получил от Вас ни одного письма, что жду ответа на посланное в Москву и, вероятно, не дошедшее до Вас

письмо". Я в самом деле ждал, что Вы напишете мне и приложите строки три к ним или поклон. Всё бы это ничего: поговорили, поговорили да и заплатили бы Вам тем же, то есть молчанием (но отнюдь не забвением): если маменька, по словам Вашим, сердится на Вас за молчание и если полученное здесь, через карантин, письмо упрекает в том же, то нам, простым смертным и знакомым, и подавно сердиться нельзя, а можно только жалеть, что мы и исполняем до степени огорчения, ей-богу! Но у Майковых остались Ваши вещи, браслет, портреты, еще что-то: они не знают, отправлять или ждать известий от Вас, а чего ждать? Писать Вы, по-видимому, не расположены, даже в ответ на письмо Е[вгении] П[етровны], посланное к Вам недели три назад. Я, однако ж, советовал подождать, полагая, что молчание Ваше происходит от какой-нибудь важной причины и что как скоро эта причина минует, нездоровье, например, то Вы и напишете. Неважные я все перебрал и не знаю, на какой остановиться: если б Вы уехали, то, конечно, дали бы знать, чтоб Вам не писали туда: этого требует самый обыкновенный и

принятый порядок. Забыли, то есть охладели к приятелям: это не помешало бы написать холодную страничку, для приличия, хоть затем, чтоб прикрыть забвение. Самая болезнь позволила бы написать два слова, чтоб не оставлять в друзьях сомнений и беспокойств насчет молчания. Лень: не верю: можно лениться день, два, десять, но лениться пять недель, не отвечать на все теплые дружеские призывы - это лень, простирающаяся до степени варварства, преступления. Вы, верно, не захотели бы возбудить в приятелях весьма основательных и серьезных беспокойств насчет аккуратного получения их писем. Рассердились или оскорбились: да и тогда лучше же отвечать с достоинством, чем с достоинством молчать, что показывает не совсем доброе сердце. Но кем и чем? Не больным ли моим приятелем, который доверчиво и болтливо поверял свою душу, все свои сомнения и противоречия, в которые беспрестанно впадал (признак страстей: немало я издевался над ним!)? Или, может быть, за друга детства? Е[вгения] П[етровна] сказала просто: "напишите ей, как он нашумел и чего наговорил у

Лев[ицкого]". - "Зачем?" - спросил он. "Затем, чтоб она знала, какой он". И только, а мой приятель развел это собственными рассуждениями, которых никому и в голову не приходило. Наконец, если б Вы нашли почему-нибудь неудобным для Вас переписываться, то и об этом бы дали, конечно, знать, чтоб не писали больше к Вам. Мне кажется, что приятель мой чуть ли не напугал Вас созданным его беспорядочным воображением фантомом, которого испугался и сам. А Вы так и приняли это за чистую монету и лишили его большого наслаждения. Да притом, он только полагался на Ваше мнение, а Вы и замолчали. Не снимете ли этот обет молчания: Вам больше гр(се, то есть грация, к лицу, нежели гордость, гнусный порок. Но что бы ни было, это не изменяет дела, факт остается тот же: Вы молчите. Письмо Ваше к Майк[овым] сделало на всех их преприятное впечатление: ожидают еще вести. Не затрудняет ли Вас мысль, что если напишете к ним, то надо уж написать и к нему, а к нему, то есть к моему приятелю, писать же не хочется? Не затрудняйтесь, напишите к ним: он похандрит, похандрит да и

впадет в свою обычную апатию. Или напишите ко мне, как к давнишнему приятелю, тем более что я сегодня послал на Ваше имя, по деревенскому адресу, обещанные две книги - Вам и кухне (тетушке не смел, потому что не был ей представлен). Я надеюсь, что Вы из свойственного Вам чувства приличия удостоите уведомить как о получении книг, так и писем от 4-го (кажется) и 14-го ноября. Если Вам тяжело, лень писать много или рассердились и т. п., то дайте знать коротко и сухо о получении - и Бог с Вами. Но это необходимо. Я посылаю книги по обещанию, а обещания я привык исполнять. Других не исполняю, потому что Вы молчанием даете понять, что не желаете этого. И мне не всегда нужно *mettre les points sur les ii.*[42]

Перемен с Вашими знакомыми никаких, кажется, не случилось. Если Вы знали в Екатерин[инском] институте классную даму, какую-то Семенову, то с ней только произошла перемена, и довольно важная: она умерла. Да со мной готовятся кое-какие перемены: не хожу на службу, освобожден месяца на два писать... вот это письмо пока, а отчет об экспе-

диции, для которого уволен, еще не начат, между тем письмо, как видите, идет к концу. А уж прошло недели две моей свободы. Да едва ли я пойду опять туда на службу. На днях один министр, на вечере у себя, сделал мне предложение занять место у него, где жалованья много, больше даже, нежели сколько мне нужно, а дела еще больше, нежели жалованья. Однако ж, я принял, и в январе это должно состояться. Ужас берет меня, когда подумаю, что надо искать другую квартиру, больше, покупать мебель и переезжать, потому что должность эта требует немного другого образа жизни и побольше презентабельности. Евг[ения] П[етровна] и Ю[ния] Д[митриевна] взялись, по доброте своей, всё это мне устроить. А жаль мне своей дрянной квартиры - по многим причинам. Жаль и лени своей: я было мечтал перейти на старинную свою должность и оканчивать роман, мечтал даже, что Вы хоть на неделю приедете, по обещанию, выслушать его. Третьего дня вечером я читал некоторые главы из этого романа у того ж министра и увидел, что поправить бы немного да прибавить главы две, так первая

часть и готова. Новая должность едва ли позволит это, хотя на службу ходить и не понадобится, даже вовсе можно не ходить, а служить лежа. Угадайте, что это за служба, если есть охота, если Вы не уехали, не больны, не сердитесь, если... если... и т. д. Не знаю, как подписаться после Вашего молчания.

Ваш покорнейший слуга,
или *votre tout devouй ami, tombй en disgrvce et oubliй*, [43]

адрес мой пока тот же.

Книга моя представлена великим князем всей Импер[аторской] Фамилии: посланные Вам назначались туда же. Сегодня заказал переплетчику другие для обеих Императриц: прислали за ними сегодня утром.

Николай Ап[оллонович] рисует 40 портретов Государя для разных присутств[енных] мест, а Аполлон всё исправляет свое стихотворение и пока не дает никому. В Екатеринин день мы обедали на именинах Старушки. Здоровье мое плохо: замеченный Вами кашель усилился от простуды, я худею: некоторые делают замечания злые. - Напишите поскорей и не мучьте друзей, еще больных.

Н. А. НЕКРАСОВУ
12 декабря 1855. Петербург

12 дек[абря] [18]55.
Посылаю Вам, любезнейший Николай Алексеевич, статью "Бонин-Сима": я, по возможности, очистил ее и лишнее выкинул, а лишнего было много и работы немало, потому что вторая половина статьи была у меня написана в памятной книжке, и весьма беспорядочно. Поэтому, если Вы, читая корректуру, найдете промахи против языка или длиноты и исправите их, то поступите очень хорошо, а мне теперь это делать некогда. Статья, как видите, и переписана.

До свидания, завтра, вероятно, зайду проведать Вас.

Прилагаемую книжку потрудитесь отдать А. В. Дружинину.

Ваш И. Гончаров.

Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ
15 декабря 1855. Петербург

У хозяйки - флюс и зубы болели: всё общество ждало целый вечер, потому что она, говорят, выходит обыкновенно поздно. Но она не выходила. Было мало, почти не больше, как у Майк[овых] в большое воскресенье. Мих[айлову] - слышь - предстоит непременно явиться опять и, вероятно, являться не раз. Подробности оставляю до свидания. За чело- века благодарю и уверен, что не откажете и вперед.

Ваш Гончаров.

15 декабря.

О. С. ОДОЕВСКОЙ

17 декабря 1855. Петербург

Боль в глазу, угрожающая опухолью, меша-
ет мне лично представить Вам, милости-
вая государыня княгиня Ольга Степановна,
вместе с чувствами искреннего уважения,
препровождаемые при этом чрез г-на Солони-
цына chinoiserie[44] как образчик китайско-
го терпения и искусства. Некоторые дамы сде-
лали себе из этого браслеты.

Беру смелость препроводить также две
мои брошюры, с покорнейшею просьбою до-
ставить mademoiselle Эйлер: на одной из них
я сделал надлежащую надпись, но оставил
место для титула и имени, которого не знаю.
Книга о Японии будет доставлена к ней по по-
лучении от переплетчика.

Не зная, когда тяжкая болезнь, повергаю-
щая меня в крайнее уныние, дозволит мне
иметь драгоценное удовольствие быть у Вас,
я свидетельствую Вам и князю Владимиру Фе-
доровичу чувства отличного уважения и ис-
кренней преданности, с которыми имею

честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Иван Гончаров.

17 декабря

1855.

Е. В. ТОЛСТОЙ

23 декабря 1855. Петербург

23.

Наконец Вы, богиня Елизавета Васильевна, решились нарушить Ваше молчание и порадовали одного из смертных ласковым письмом. Благодарю Вас как за него, так и за дружеское и лестное для меня Ваше желание иметь мой портрет: я бы немедленно исполнил его, если б над Петербургом четвертую неделю не висел abat-jour из мрачных туч, совершенно закрывающих нас от солнца: Левицкий говорит, что он давно уже не делает фотографий на бумаге, а делает на стекле, но мне не понравилось, сквозит. По его совету надо подождать другой погоды и, следовательно, другого случая. Я бы отвечал по пунктам на Ваше милое письмо, но оно дома, а я в гостях у Старика и застал Старушку за письмом к Вам и выпросил у нее полстранички, она было обещала, а потом исписала весь листок и дала мне вот эту четвертушку. Я очень счастлив был уж и тем, когда увидел Ваше

письмо к Майковым, следовательно, узнал, что Вы здоровы, с каким же удовольствием получил сам Ваше письмо можете представить. - Вы спрашиваете меня о здоровье, о месте и что-то еще: кашель этот принадлежит моей комплекции и, вероятно, не пройдет никогда, но есть еще кое-что хуже кашля - это приливы крови к голове особенно по ночам, когда так явственно подкрадывается ко мне - апоплексический удар: всё, что остается мне получить в жизни. Место - старшего цензора, то есть русской цензуры, - с тремя тысячами руб. жалованья и с 10 000 хлопот. Но это еще должно состояться в январе, а если вакансии не откроются, то, может быть, и не состоится, тогда у меня есть план удалиться года на два на Волгу, к сестрам, и попробовать, могу ли я еще исполнить мои прежние литературные задачи, не всё ли отнял холод жизни и бестолковое шатанье по свету, - и, если удастся, я умру покойно, исполнив свое дело, если нет - замучаюсь в скучных, жалких трудах.

До свидания, гордая, прекрасная богиня, дай Бог Вам счастья и в этом и в Новом году, и всю жизнь. Смею молить об одном, не забыть

жалкого, скучающего смертного, больного,
холодного, но всё ещё немножко боготворя-
щего Вас

И. Гончарова.

Н.А. НЕКРАСОВУ
27 декабря [?] 1855.
Петербург.

Меня зовет завтра обедать граф Путятин: если мне необходимо будет к нему ехать, то я вскоре после обеда буду у Вас: он обедает в 4 часа.

До свидания,
Ваш Гончаров.
27.

Е. В. ТОЛСТОЙ

28 декабря 1855. Петербург

28 декабря 1855/

Вы теперь, вероятно, уже получили письмо от Старушки: я пришел к ней в то время, когда она начала его, и приписал в нем сам. Она не показала мне, что пишет, сказала только, что есть и обо мне: я довольно долго ничего хорошего не делал, и оттого интересного ничего она обо мне Вам и не сообщит.

Несмотря на мою приписку, я не лишаюсь права писать обстоятельно в ответ на Ваше письмо. Какая разница между им и вторым, предыдущим Вашим письмом! Правда, между ними протекла целая вечность, или два месяца, что в иных случаях совершенно всё равно. То письмо - дружеское, искреннее, носящее следы недавнего свидания, чуть не слез, по крайней мере говорящее о них, - это, напротив, пропитано ядом или ласково уязвляющей, сладкой насмешки, pillule dorйе,[45] или холодной иронии, lettre mordante,[46] с целью казаться дружеским. "Вы колете мне

глаза, - писано там, - уменьем держать слово - тем лучше для Вас" (то есть это значит, а относительно Вас я об обещаниях и заботиться не думаю и не хочу). Далее. "Болезнь и несносные посетители мешали писать, да и не о чем: деревенская жизнь монотонна, стало быть, я щадила Вас, лишая себя удовольствия беседовать с Вами" (перевод верен). Еще: "Вы снисходительны, и этому я обязана высочайшим удовольствием слушать Вас!" - "Предостережения и советы Ваши излишни". - "Можно гордиться дружбою такого человека..." - и не писать, забыли Вы прибавить. Почему ж нельзя? Можно даже и не гордиться, и не писать.

На это сказал бы я: разве Вас просили описывать те места, куда Вы едете? ум и сердце Ваше не монотонны: их-то обаятельная прелесть, в гармонической связи с наружной красотой, конечно, и пленила, чуть не до гибели, моего лучшего друга. Еще бы сказал я: от Вас одних зависело не лишать себя высочайшего удовольствия слушать друга: стоило написать десять строк, чтоб получить пятьдесят, а Вы...: следовательно - нужно ли догова-

ривать этот силлогизм? Видите, что не всегда нужен дар слова для доказательства довольно простой, ясной логики, которая всегда неотразима. Мало ли что мог бы я сказать еще, если б хотел быть только логичен, но я предпочитаю быть любезным и скажу лучше, что Вы совершенно непогрешительны, правы и верны своему характеру во всем, до Вашего молчания включительно, так же правы, как я виноват во всем - до моей болтовни, тоже включительно. Это нетрудно доказать логически, без всякого "дара слова": какое право я имел обнаруживать перед Вами весь беспорядок души моего лучшего друга, передавать Вам эти волнения, вопросы, сомнения, пугать Вас фантомами, предположениями, уцепиться за какую-нибудь сторону Ваших наклонностей, привычек, характера и анализировать их, когда Вы не признавали и не разделяли этих волнений и хаоса? Зачем, к чему? Вам было это, конечно, дико, надоело, Вы и замолчали, замкнувшись в Вашем непоколебимом спокойствии. Одно немного может оправдать меня, это то, что всё это делалось с целью не прерывать разговора с Вами, не терять Вас

никогда и нигде из вида, не допускать лечь ни забвению, ни времени, ни расстоянию в этой дружеской связи, вызывать Вас на постоянную диалектику и, любуясь на портрете и в памяти Вашей наружной красотой, любоваться легкой грацией и остротою Вашего ума и мягкостью, ровным биением Вашего сердца - вот цели. Но у Вас подобных целей не было, и Вы со второго письма оборвали нить и обратили ее в едва осязаемый, невидимый волосок. И дело, Вы были в своем праве. Вы, вероятно, не раз предлагали себе вопрос: зачем я буду писать к нему? И не находили никакой разумной практической причины. Вас можно было обвинить в одном: если б Вы хотели быть искренни, Вы бы, в ответ на третье или четвертое письмо, написали, что Вам, например, некогда, что Вы скоро отвечать не можете: я бы понял эти points над ii, я ведь был в Японии, а нам сначала там отвечали точно так же (смотри "Русские в Японии") и мы поняли. Тогда бы я избавился от мучительных догадок о том, куда деваются мои письма. Впрочем, и это ничего: я в самом деле "снисходителен", а строг только на словах. Отчего

Вы не сказали, сколько именно писем получено Вами: оттого ли, что казалось Вам неловко, показав счетом 5 или 6 писем, отвечать на них полутора страничками, или оттого, что, может быть, Вы не получили которого-нибудь, писанного в Москву, например? Вы очень искусно намекнули на каждое из писем, кроме московского: получено ли и оно?

Е. В. ТОЛСТОЙ

**31 декабря 1855 - 2 января
1856. Петербург**

31 дек[абря] [18]55.

Вот уж несколько дней, как у меня лежит готовое и не посланное письмо к Вам: отчего не посланное? И сам не знаю: частью оттого, что оно чересчур откровенно написано, частью гордость, возмущенная Вашею ленью и небрежностью, удерживали меня и, может быть, удержали бы совсем, если б память сердца, благодарного за несколько проведенных Вами здесь недель, за несколько приятных часов и, наконец, счастливых (не для Вас) минут, не заговорила сильнее всякой гордости и самолюбия: видите, как я прост и откровенен! И вот я посылаю, но только половину письма, остальную оставлю у себя и, вероятно, уничтожу, выбрав, что нужно, сюда. Письмо слишком длинно: из него Вы никакого практического смысла, ни истины не извлечете, разве только можете сделать один безошибочный логический вывод, что длинное

письмо, написанное при моем недосуге, - есть... длинное письмо.

Впрочем, оно было очень здоровое и приличное письмо, да оно и не может быть иначе: "лучшего моего друга" уж больше нет, он не существует, он пропал, испарился, рассыпался прахом. Остаюсь один я, с своей апатией, или хандрой, с болью в печени, без "дара слова", следовательно, пугать и тревожить Вас бредом некому. Он, улетучиваясь, говорил мне при последнем издыхании Вашими словами: "tout va pour le mieux:[47] хорошо, что она уехала, хорошо, что и не писала так долго: tout, tout est pour le mieux". Он даже избегал смотреть на портреты, не читал, не смотрел ничего на сцене (особенно "Лючию"), чтобы не расшевеливать воспоминаний, и так мирно угас, как он говорит, для вдохновенья, для слез, для жизни и т. д. (У него был дар слова). Но Бог с ним: он надоел мне, а Вам, я думаю, вдвое.

Очень рад, что Вам и милой кузине понравились книги, до переплетов включительно. Секрет Ваш о том, что она просила списать сочинения, - секрет институтский: я даже не по-

нимаю, в чем он состоит. - Вы спрашиваете о романе: ах, одни ли Вы спрашиваете! редакторы спрашивают пуще Вас, и трое разом, так что если б я и написал его, то не знаю, как бы, удовлетворив одного, отделался от других. А романа нет как нет: есть донесение об экспедиции, есть путевые записки, но не роман. Этот требует благоприятных, почти счастливых обстоятельств, потому что фантазия, участие которой неизбежно в романе как в поэтическом произведении, похожа на цветок: он распускается и благоухает под солнечными лучами, и она разворачивается от лучей... фортуны. А где их взять? Они померкли для меня, старость, как шапка, надвигается на голову. Хандра гложет до физического расстройства, а между тем судьба призывает меня к суматохе, к усиленной деятельности: как я извернусь - не знаю; хочется бежать и от дел, и от людей, а нельзя. В будущем месяце должно решиться о моем месте: ожидаются вакансии.

Ваш человек так быстро явился к Майковым после письма, что не было возможности поспеть с портретами. Погода стоит мрачная, и фотографии не удаются. Впрочем, если б я

убежден был, что не одна только - как бы это сказать - дружеская учтивость (le doute partout) заставляет Вас напомнить о портрете, а самая дружба, то прислал бы тотчас же хоть дагерротип. На этот раз, надеюсь, Вы не упрекнете меня в неосновательности сомнений: двухмесячное молчание - факт неопровержимый. Вы, кажется, сеете семена дружбы на всякой почве, где поселитесь, и рвете покойно плоды с дерева, которое вырастает из этих семян. Поэтому я думаю, что и на Грязи не все посетители sont importuns.[48] Не примите этого, ради Бога, за упрек: напротив - это счастливейшее для Вас свойство. Упрекать - одного, что он велик ростом, другого - что мал, - не только не "снисходительно", даже неблагоразумно. Я говорю об этом только как о факте, нисколько его не порицая. Мне хотелось писать, я писал, Вам не хотелось, Вы не писали, - и в этом хотелось и не хотелось - ни Вы, ни я не виноваты. Вы видите, я не только снисходителен, но и рассудителен, а снисходителен к Вам, например, без границ. Может быть, я читаю между строками Вашего письма и угадываю настоящие причины Вашего

молчания - и покойно гляжу на это, снисхожу, может быть, снизошел бы, если б имел повод, случай и право быть снисходительным, и к другим событиям, важнее... в Вашей жизни... Я снисходителен до пожертвований: например, если Вам не нравится присланный от Ник[олая] Апол[лоновича] ваш портрет (он бледен), я могу прислать Вам тот оттиск, который у меня (он явственнее), и тогда, кстати, могу приложить и свой портрет, если... понадобится. Других обещаний и намерений... сколько их было! чувствую, как я виноват: прислать конфет, например; не удобно, к Вам придут одни крошки. Стихи Аполлон всё еще держит, не дает. А Вы, что не прислали с человеком книгу Тургенева? случай был удобный. Или потеряли, подарили, присвоили? Скажите откровенно и помните - как я "снисходителен". К Вам одним.

Нового в сфере моего ведения - ничего нет. Праздники я бывал у Майк[овых], сказал им, что получил от Вас письмо и что отвечал на него припиской в письме Старушки. Старик, кроме сладостей брачных уз, познал тягость ночного бдения: он работает для "Биб[лиоте-

ки] д[ля] чт[ения]", читает рукописи, корректуры. Ник[олай] А[поллонович] рисует образа к обручению в[еликого] к[нязя] Ник[олая] Ник[олаевича], Евг[ения] П[етровна], Апол[лон], Анна Ив[ановна] - ничего, Конст[антин] Ап[оллонович], Льхов[ский], Бурька, Солон[ицын] - тоже ничего, и я - ничего. На сцене итальян[ской] идет "Моисей" Россини, на русской - драма Потехина с успехом. Сейчас я от Тург[енева], там был, между прочим, Мартынов, отличившийся в драме, и мы пили за его здоровье. Хотелось бы описать Вам в заключение, как смешно я провел один любопытный вечер у... да после когда-нибудь, когда Вам нечего будет делать, а теперь праздники: Вы, вероятно, встречаете несносных гостей.

Новый год, кажется, встречаем у Евг[ении] П[етровны], то есть сегодня вечером 31 дек[абря].

С Новым годом поздравляю Вас, и маменьку тоже, если она с Вами: напомните ей обо мне и поцелуйте у ней ручку (кстати, и у себя): она была благосклонна ко мне. Не решаюсь ни просить, ни надеяться ответа, особен-

но скорого. Уведомьте хоть когда-нибудь о получении этого письма и будьте здоровы, счастливы и уверены в моей неизменной к Вам преданности.

Гончаров.

2 янв[аря] 1856. Новый год встретили у Майк[овых]. Я принес к ним ликер из рома, шампанского и ананасов: дамы так подпили, что Е[вгения] П[етровна], не вставая со стула, могла только шевелить губами, прощаясь с гостями, и кистью левой руки. Старушку Старик завернул в одеяло и под мышкой отнес домой, а Ю[ния] Д[митриевна] любовно смотрела на всех мужчин, кроме мужа. Возник вопрос: что бы делали Вы?

Примечания

труссы, поддецы (фр.)

[^^^]

лед сломан (фр.)

[^^^]

3

Между 9 и 10 часами вечера, не так ли? (фр.)

[^^^]

4

"Это бесполезно, что Вы посылаете", - Вы сказали вчера (фр.)

[^^^]

5

А я "люблю бесполезное" (фр.)

[^^^]

синих чулков (фр.)

[^^^]

признаний (фр.)

[^^^]

8

Если это Вам не понравится, можно будет уладить: я скажу утром (фр.)

[^^^]

"Это бесполезно" (фр.)

[^^^]

10

Кстати о бесполезном (фр.)

[^^^]

11

Скажите, не правда ли, что сомнение - несомненнейшая из вещей ? (фр.)

[^^^]

Как здоровье г-жи Богдановой? И г-жа Якубинская что подделывает? Не могли бы Вы взять на себя труд передать мои приветствия им обеим? (фр.)

[^^^]

"Полусвет" (фр.)

[^^^]

как истинный подарок судьбы (фр.)

[^^^]

Этот листок разорван пополам, "продолжением" служит текст, озаглавленный "Pour и contre" (Ред.).

[^^^]

16

надо ли еще ставить точки над ii (фр.)

[^^^]

Из самых несомненных вещей и т. д. (фр.)

[^^^]

в парадном мундире (фр.).

[^^^]

в невыгодном положении (фр.)

[^^^]

в неопределенном положении (фр.)

[^^^]

чтобы забыться (фр.)

[^^^]

восхищение (фр.)

[^^^]

из несомненных вещей самое несомненное -
сомнение (фр.)

[^^^]

"Fra poco a me ricovero dar(negletto a velo..."
(ит.) ("Ах, скоро все страданья в могиле я со-
крою...")

[^^^]

Правильно: "La donna e mobile..." (ит.) ("Сердце красавицы склонно к измене...").

[^^^]

Мадам, Вы порвали платье (фр.)

[^^^]

задней мысли (фр.)

[^^^]

случай (фр.)

[^^^]

"С глаз долой, из сердца вон" (фр.).

[^^^]

этот достойный облик (фр.).

[^^^]

"как слабости", замечено Вами (фр.)

[^^^]

дурной случай (фр.).

[^^^]

что самое несомненное - сомнение? (фр.)

[^^^]

вопреки Вам (фр.)

[^^^]

первый любовник (фр.).

[^^^]

что я не женим (фр.).

[^^^]

"Это меня смущает" (фр.).

[^^^]

кто вводит Вас в смущение (фр.).

[^^^]

сомнение везде (фр.)

[^^^]

помилуйте (фр.)

[^^^]

Текст в квадратных скобках в автографе вычеркнут. - Ред.

[^^^]

расставлять точки над i (фр.).

[^^^]

Ваш преданный друг, впавший в немилость и забытый (фр.)

[^^^]

китайские безделушки (фр.).

[^^^]

позлащенная пилюля (фр.)

[^^^]

едкое письмо (фр.)

[^^^]

всё к лучшему (фр.)

[^^^]

несносны (фр.)

[^^^]